

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

ISSN 2542-2472

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН 4 / 2024

WWW.RUS-LAW.ONLINE

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ПЕРИОДИЧЕСКОГО СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ
«РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН»**

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович	председатель редакционного совета, профессор, ректор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СИНЮКОВ Владимир Николаевич	заместитель председателя редакционного совета, д. ю. н., профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности, профессор кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
АНТОНЯН Елена Александровна	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права имени В.Е. Эминова Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
АРТЕМОВ Николай Михайлович	д. ю. н., профессор, профессор кафедры финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ВАЛЕЕВ Дамир Хамитович	д. ю. н., профессор, заместитель декана по научной деятельности юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета
ДОВГАНЬ Елена Федоровна	д. ю. н., профессор, профессор кафедры международного права Белорусского государственного университета
ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ИСАЕВ Игорь Андреевич	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КОМАРОВА Валентина Викторовна	д. ю. н., профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КРАСНОВА Ирина Олеговна	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия
ЛАПАЕВА Валентина Викторовна	д. ю. н., главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук
ЛАПТЕВА Людмила Евгеньевна	д. ю. н., профессор, декан юридического факультета имени М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович	д. ю. н., профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
РАРОГ Алексей Иванович	д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СЛЕСАРЕВ Владимир Львович	д. ю. н., профессор, начальник отдела договорного права Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации
СОКОЛОВА Наталья Александровна	д. ю. н., доцент, научный руководитель Научно-исследовательского института, заведующий кафедрой международного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ЧЕТВЕРИКОВ Артем Олегович	д. ю. н., профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
РУМЯНЦЕВА Валентина Геннадьевна	главный редактор, к. ю. н., доцент, доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
МАКАРЕНКО Вероника Сергеевна	ответственный секретарь, начальник отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

COUNCIL OF EDITORS OF THE JOURNAL
“RUSSIAN LAW ONLINE”

Viktor V. BLAZHEEV	Chairman of the Council of Editors, Professor, Rector, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir N. SINYUKOV	Vice-Chairperson of the Council of Editors, Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research; Professor of the Department of the Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Elena A. ANTONYAN	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminology and Penitentiary Law named after V.E. Eminov of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Nikolay M. ARTEMOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Financial Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Damir H. VALEEV	Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Dean for Research of the Faculty of Law of the Kazan (Volga Region) Federal University
Alena F. DOUHAN	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of the Belarusian State University
Sergey M. ZUBAREV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Igor A. ISAEV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of History of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Valentina V. KOMAROVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Irina O. KRASNOVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Land and Environmental Law of the Russian State University of Justice
Valentina V. LAPAEVA	Dr. Sci. (Law), Chief Researcher of the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of the State and Law of the Institute of the State and Law of the Russian Academy of Sciences
Lyudmila E. LAPTEVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law named after M.M. Speransky of the Institute of Law and National Security of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
Igor M. MATSKEVICH	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Alexey I. RAROG	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir L. SLESAREV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Contract Law of the Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alexeev
Natalia A. SOKOLOVA	Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Scientific Adviser of the Research Institute, Head of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Artem O. CHETVERIKOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Valentina G. RUMYANCEVA	Editor-in-Chief, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Veronika S. MAKARENKO	Head of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕНДЕНЦИИ

Чертков А. Н. <i>Цифровизация публичного управления: преимущества и риски</i>	5
--	---

РАКУРС

Шпаковский Ю. Г. <i>Государственная политика в области защиты населения в военное время</i>	11
Поляков С. А. <i>Гибридная война коллективного Запада как угроза национальной и международной безопасности</i>	19

РОССИЯ

Шарапов Р. Д. <i>Упущенная федерализация как фундаментальная причина упадка Российской империи</i>	24
Бородачев П. А. <i>Формирование независимости судебной власти в Российской империи (XVIII в. — середина XIX в.)</i>	31
Королев П. Е. <i>Административно-правовой статус Банка России</i>	37

МИР

Тимошук А. С. <i>Двухконтурная пенитенциарная модель КНР</i>	45
Гришина Т. М. <i>Теории глобального мироустройства: ожидания и реальность</i>	52
Нечаева Е. К., Пономарева Д. В. <i>Интеграционно-правовая модель развития альтернативной энергетики: опыт ЕС</i>	64

CONTENTS

TRANDS

Chertkov A. N. <i>Digitalization of Public Administration: Benefits and Risks</i>	5
--	---

FOCUS

Shpakovskiy Yu. G. <i>State Policy in Protection of the Population in Wartime</i>	11
Polyakov S. A. <i>The Hybrid War of the Collective West as a Threat to National and International Security</i>	19

RUSSIA

Sharapov R. D. <i>A Forgone Federalization as a Fundamental Reason for the Russian Empire Decline</i>	24
Borodachev P. A. <i>The Formation of the Judiciary Independence in the Russian Empire (18th Century — Mid-19th Century)</i>	31
Korolev P. E. <i>Administrative and Legal Status of the Bank of Russia</i>	37

WORLD

Timoshchuk A. S. <i>Dual-Circuit Penitentiary Model of the PRC</i>	45
Grishina T. M. <i>Theories of the Global World Order: Expectations and Reality</i>	52
Nechaeva E. K., Ponomareva D. V. <i>Integration and Legal Model of Alternative Energy Development: The EU Experience</i>	64

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПРЕИМУЩЕСТВА И РИСКИ

Чертков Александр Николаевич,

главный научный сотрудник Центра исследований проблем территориального управления и самоуправления Корпоративного университета развития образования, доктор юридических наук, доцент

129344, Россия, г. Москва, Енисейская ул., д. 3, корп. 5

chertkov_an@kuro-mo.ru

© Чертков А. Н., 2024

Аннотация. Статья посвящена осмыслению преимуществ и рисков цифровизации публичного управления. Исследуется соотношение цифровизации и цифровой трансформации публичного управления. Прогнозируется успешная цифровизация традиционных средств управления, а также формирование смешанных алгоритмов деятельности человека и машины в сфере публичного управления. Рассматриваются семь преимуществ (удобство управленческой деятельности; ускорение управленческих коммуникаций; упрощение управленческих процедур; использование больших массивов данных; принципиально новая доступность органов публичной власти и публичных услуг; оптимизация затрат; гуманизация публичного управления) и семь рисков (расширение поля для бюрократических манипуляций; излишняя проактивность публичных структур; удвоение процедур документооборота и прежде всего отчетности; возрастающая зависимость публичного управления от цифровых технологий; рост возможностей киберпреступности, в том числе должностных киберпреступлений; «профанация» или фиктивность цифровизации публичного управления; возможность утраты субъектности управления человечеством) цифровизации публичного управления. Делается вывод, что содержательные недостатки публичного управления цифровизация не преодолевает, но лишь усугубляет, предоставляя недобросовестным управленцам новые возможности неправомерного поведения. Можно и нужно осуществлять развитие публичного управления традиционными способами, совмещая их с внедрением цифровых технологий. При этом передача искусственному интеллекту принятия управленческих решений представляется опасным и антигуманным сценарием, поддерживается решающая роль человека в публичном управлении. Не следует возлагать на искусственный интеллект и цифровые технологии в целом чрезмерных ожиданий, проводить цифровизацию ради цифровизации без видимых благ для общества и тем более подвергать человечество рискам непредсказуемых управленческих решений и их последствий.

Ключевые слова: публичное управление; цифровизация; цифровая трансформация; государственное управление; государственная власть; риски; административные процедуры.

DIGITALIZATION OF PUBLIC ADMINISTRATION: BENEFITS AND RISKS

Aleksandr N. Chertkov,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Chief Researcher, Center for Research on Problems of Territorial Administration and Self-Government,
Corporate University for the Development of Education
chertkov_an@kuro-mo.ru

Abstract. The paper is devoted to understanding the advantages and risks of digitalization of public administration. The author elucidates the relationship between digitalization and digital transformation of public administration. The author foretells successful digitalization of traditional means of control and the formation of mixed algorithms for human and machine activities in the field of public administration. The paper considers seven benefits (convenience of management activities; acceleration of management communications; simplification of management procedures; the use of big data; fundamentally new accessibility of public authorities and public services; cost optimization; humanization of public administration) and seven risks (expanding the field for bureaucratic manipulation; excessive proactivity of public structures; doubling the procedures for document processing and, above all, reporting; the increasing reliance of public administration on digital technologies; the growth of cybercrime opportunities, including official cybercrimes; «profanation» or fictitiousness of digitalization of public administration; the possibility of loss of subjectivity of humanity management) digitalization of public administration. The author concluded that digitalization does not overcome the substantive shortcomings of public administration, but only aggravates them, providing unscrupulous administrators with new opportunities for misconduct. It is possible and necessary to develop public administration in traditional ways, combining them with the introduction of digital technologies. At the same time, the transfer of administrative decision-making to artificial intelligence seems to be a dangerous and inhuman scenario. The author highlights the decisive role of a person in public administration. One should not impose excessive expectations on artificial intelligence and digital technologies in general, carry out digitalization for the sake of digitalization without visible benefits for society, and even expose humanity to the risks of unpredictable administrative decisions and their consequences.

Keywords: public administration; digitalization; digital transformation; state power; risks; administrative procedures.

Цифровизация выступает объективным условием современного развития всех сфер жизни человечества. Разумеется, публичное управление не составляет исключение. Более того, если сферы общественной жизни, в которых осуществляется управление охвачены цифровизацией, данные процессы не могут не затрагивать само публичное управление. Оно не может оставаться вне новой «цифровой реальности» современного мира, которая во многом меняет формат отношений «людей и машин».

Важно отметить, что цифровизация идет неравномерно и по сферам жизни общества, и по государствам мира, и по регионам одной крупных государств. Говоря о цифровизации публичного управления, отметим, что среди государств Европейского Союза лидерами являются Финляндия, Швеция, Голландия и Дания, «второй эшелон» — Соединенное Королевство, Люксембург, Ирландия, Эстония и Бельгия, аутсайдеры — Болгария, Румыния, Греция и Польша¹. При этом цифровизация остается общим трендом для всех стран и сфер жизни человека.

Важно разграничить понятия «цифровизация» и «цифровая трансформация» применительно к публичному управлению. Исследователи сходятся во мнении, что

¹ Губин А. М. Цифровизация и публичное управление: специфика взаимодействия и пути развития // Право и цифровая экономика. 2021. № 4. С. 53.

цифровизация представляет собой феномен применения цифровых технологий в публичном управлении, своего рода очередной этап автоматизации управления. В свою очередь, цифровая трансформация предполагает качественное изменение управления, его форм и процедур, революционные новации правового регулирования и контрольно-надзорной деятельности².

В России в дополнение к федеральному проекту «Цифровое государственное управление» требуется разработка проекта или подпроекта «Цифровое муниципальное управление». Очевидно, что процессы цифровизации на федеральном, региональном и муниципальном уровнях идут с разной скоростью, но они должны коррелироваться. Скоординированы должны быть и стратегические документы о цифровизации, чего пока не достигнуто.

Согласимся, что значительное число разностатусных и не вполне согласованных актов в сфере цифровизации управления несут риски дестабилизации этого процесса. Требуется единство нормативно закрепленных целей, задач, а также мероприятий по их достижению. При этом самому названному федеральному проекту не хватает системности в определении мероприятий по цифровизации государственного управления. И уж тем более едва ли возможна цифровая трансформация публичного управления без принятия Федерального закона «Об административных процедурах»³.

Очевидно, что цифровизация публичного управления несет как преимущества, так и риски. Их выявление и обсуждение позволяет развивать преимущества цифровизации и предотвращать либо хотя бы минимизировать риски.

Необходимо подчеркнуть, что цифровизация посредством внедрения новых информационных систем обеспечивает комплексное улучшение управленческой деятельности в самой организации работы, коммуникации, документообороте. Отсюда ясно, что **первым** и самым очевидным **преимуществом** цифровизации публичного управления выступает *удобство управленческой деятельности*.

Из первого вытекает и **второе преимущество** — *ускорение управленческих коммуникаций*, поскольку цифровые технологии ускоряют процессы коммуникации фактически до скорости света или скорости волны.

Тесно связано с предыдущими **третье преимущество** цифровизации управления — *упрощение управленческих процедур*. Перевод бумажного формата сведений, документов, самого документооборота в цифровой во многом упрощает данные простейшие, но нередко трудоемкие процедуры (например, поиск и внесение сведений в досье).

Четвертое преимущество цифровизации публичного управления касается использования больших массивов данных, получивших название *big data*. Преимущество собственно цифровизации представляется качественное улучшение ведомственных и иных архивов, правовых, бухгалтерских и иных баз с помощью новых технологий. Вместе с тем аналитические возможности *big data* выступает преимуществом цифровой трансформации, поскольку ведут к новым аналитическим и прогностическим возможностям современного управления. Согласимся, что цифровизация (и даже цифровая трансформация — *прим. автора*) дает однозначно позитивный эффект в сфере прогнозирования и моделирования управленческих решений, а также диагностики проблем в системе публичного управления⁴.

Принципиально новая *доступность органов публичной власти и публичных услуг* для граждан и юридических лиц видится **пятым преимуществом** цифровизации публичного управления. Портал «Госуслуги», электронные обращения, электронные приемные и прочие сервисы создают новую реальность «шаговой доступности» публичной власти для общества. Сюда же можно отнести и МФЦ как смешанную

² Зубарев С. М. Правовые риски цифровизации государственного управления // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 25–26 ; Губин А. М. Указ. соч. С. 52–53.

³ Зубарев С. М. Указ. соч. С. 26–30.

⁴ Касьянов С. В. Цифровая трансформация как новый драйвер повышения результативности в системе государственного и муниципального управления // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 9. С. 5–12.

очно-цифровую форму коммуникации. Граждане обращаются лично онлайн, но их запросы обрабатываются и обеспечиваются в цифровом формате. Такую новую реальность можно считать не только итогом цифровизации, но и проявлением цифровой трансформации публичного управления.

Шестым преимуществом цифровизации публичного управления представляется *оптимизация затрат*. Более того, цифровой трансформацией можно считать принципиальное изменение штатов управленческих структур и бюджетных учреждений, передачи части функций на аутсорсинг вследствие новых возможностей цифровых технологий.

Гуманизация публичного управления (как бережное отношение и к управленческим кадрам, включая дополнительные возможности профессионального развития, и к сотрудникам организаций и учреждений управляемой сферы) является значимым **седьмым преимуществом** цифровизации, а на новом качественном уровне — и цифровой трансформации. Речь идет не только о цифровых формах отчетности, инструктажей, совещаний и иных форм коммуникации. Дистанционная (уделенная) форма работы (а точнее, как правило, гибридная форма) в бюджетной сфере в целом и в управленческом сегменте в частности выступает наиболее очевидным проявлением данного преимущества. Такая форма работы не только снижает издержки работодателя, но и экономит ресурсы работника, прежде всего временные, позволяет увеличить производительность труда. Здоровье людей также получает дополнительную охрану, поскольку не только сберегает силы человека, но и обеспечивает эпидемиологическое благополучие в обществе.

Дальнейшее развитие цифровизации, ведущее к цифровой трансформации публичного управления, по линейной логике данного процесса должно вести лишь к новым преимуществам. Вместе с тем на практике это далеко не так, поскольку логика цифровизации управления вовсе не линейна. Помимо преимуществ цифровизация и тем более цифровая трансформация публичного управления несет значимые риски подчас с непредсказуемыми последствиями.

Первый риск связан с расширением поля для *бюрократических манипуляций*. Все то, что позволяет упростить и ускорить коммуникацию, сделать ее более удобной для добросовестного управленца, в свою очередь, расширяет возможности злоупотребления для недобросовестного управленца. «Потерять» заявление или иное обращение гражданина в цифровом формате проще, чем в бумажном. Многие столетия бумажного документооборота породили множество технологий фиксации обращений. Однако их пока нет в цифровом формате. Штамп канцелярии или экспедиции органа публичной власти остается надежным доказательством обращения, но его цифровой аналог отсутствует.

Второй риск цифровизации связан с *излишней проактивностью* публичных структур. Названный выше портал «Госуслуги», иные публичные структуры, а также банки с государственным участием делают автоматические рассылки гражданам и юридическим лицам в цифровом формате. Но насколько это хорошо? Похожие действия коммерческих и общественных организаций называются спам. Более того, существует риск последующих шагов, например, бесспорное списание денежных сумм, которые портал сочтет нужным, со счетов граждан. Подобные предложения уже обсуждаются. Важно отметить, что любой технический сбой потребует обжалования в суд, а технологии еще весьма несовершенны.

Третьим риском цифровизации публичного управления выступает *удвоение процедур документооборота и прежде всего отчетности*. Выше отмечалось как преимущество цифровизации перевод бумажных процедур в цифровые. Но нельзя не учитывать стремление сохранить весь бумажный документооборот в управленческой деятельности при введении цифрового. Такой подход объясним, поскольку цифровые технологии еще несовершенны и бумажные аналоги нужны «для подстраховки». Но, по существу, это двойная работа (бюджетников в сфере образования, здравоохранения, ЖКХ), которая ничего не облегчает, а напротив, увеличивает трудозатраты.

Четвертый риск тесно связан с предыдущим. Он состоит во все возрастающей *зависимости публичного управления от цифровых технологий*. Цифровизация позволяет обрабатывать большие массивы данных, порождает новые возможности прогнозирования и планирования. При этом нельзя не согласиться относительно отмечаемой зависимости публичного управления от цифровых технологий, начиная от необходимости постоянных инвестиций в совершенствование данных технологий до обеспечения ежесекундной доступности сети Интернет и даже источника электроэнергии как неперемennого условия осуществления публичного управления⁵. Поэтому следует признать, что в рамках простых управленческих действий цифровизация требуется далеко не всегда. Если речь идет о контроле с бинарной оценкой «выполнено — не выполнено», то едва ли нужно усложнять процессы управления, привязывать их к сети Интернет. В современных условиях технологического противостояния в мире и заметного ухудшения работы Интернета в России и ряде других государств, цифровизация должна нести очевидные преимущества. В тех аспектах управления, где она остро не требуется, не следует насаждать цифровые технологии искусственно.

Пятый риск является продолжением первого риска цифровизации публичного управления. Его можно обозначить как *риск киберпреступности, в том числе должностных киберпреступлений*. В первом риске упоминались бюрократические манипуляции. Но нельзя забывать, что цифровой формат недобросовестный управленец может использовать не только как уклонение от исполнения своих функций, но и для совершения должностных проступков и преступлений. Ведь киберпреступность связана не только с «вольными хакерами». Публичный служащий тоже может стать киберпреступником с использованием своего служебного положения. Такие деяния могут быть связаны с фальсификацией сведений и документов, их уничтожением и искажением, продажей информации и многими иными аспектами.

Риск «профанации» можно рассматривать как очередной **шестой риск** цифровизации публичного управления. Нельзя допустить, чтобы применение цифровых технологий в управлении стало новым бюрократическим показателем. Цифровизация имеет смысл ради улучшения качества управления или хотя бы удобства управленческой деятельности. Цифровизация ради цифровизации как формальный показатель явно не в интересах общества. Можно говорить о негативной цифровизации, если управленцами формируется «виртуальная реальность» (в виде картинки на сайте, показателей отчетности, сумм освоенных бюджетных средств), которая свидетельствует о больших достижениях, а реальный уровень удовлетворенности граждан соответствующей сферой жизни не подтверждает официальную статистику. Гражданин и общество должны выступать в качестве главных бенефициаров цифровизации публичного управления, тем более — его цифровой трансформации.

Седьмым риском необходимо назвать возможность *утраты субъектности управления человеком (риск «Скайнета»)*. В настоящее время такой риск выглядит фантастически, но цифровые технологии стремительно развиваются, а часть людей впадают в эйфорию от данных процессов. Стремление заменить человека машиной в принятии управленческих решений вызывает настороженность и даже неприятие. Как отмечают исследователи, даже перевод публичных услуг на полностью децентрализованный блокчейн порождает мало прогнозируемые управленческие риски с серьезными последствиями⁶. Тем более непредсказуемы последствия предоставления искусственному интеллекту возможности принимать управленческие решения.

Сегодня в коммерческом секторе от внедрения искусственного интеллекта нередко проистекают убытки. А какие потери он принесет в сфере публичного

⁵ Канунникова Н. Г. Государственное управление в условиях цифровизации: зарубежный опыт, проблемы и перспективы развития // Административное право и процесс. 2023. № 6. С. 38–40.

⁶ См.: Талапина Э. В. Применение блокчейна в государственном управлении: перспективы правового регулирования // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 3. С. 98.

управления? Ведь ни один искусственный интеллект не сможет стать человеком, не обретет совести, сострадания и доброты. Как показывает история человечества, без этих качеств невозможно эффективное публичное управление.

Базовые проблемы публичного управления не устранит внедрение цифровых технологий. Если проблема в содержательных вопросах управления, то невозможно бороться с ней посредством цифровизации. Сущностные проблемы управления необходимо решать по существу. В свою очередь, цифровая трансформация позволяет качественно улучшить положительные стороны публичного управления, но и ее сфера воздействия ограничена в свете несовершенства технологий.

Можно и нужно осуществлять развитие публичного управления традиционными способами совмещая их с внедрением цифровых технологий. Окончательные управленческие решения должны всегда принимать люди, а новации могут лишь совершенствовать техническую сторону. Не следует возлагать на искусственный интеллект и цифровые технологии в целом чрезмерных ожиданий, проводить цифровизацию ради цифровизации без видимых благ для общества и тем более подвергать человечество рискам непредсказуемых управленческих решений и их последствий.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Губин А. М. Цифровизация и публичное управление: специфика взаимодействия и пути развития // Право и цифровая экономика. — 2021. — № 4. — С. 50–55.
2. Зубарев С. М. Правовые риски цифровизации государственного управления // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 6. — С. 23–32.
3. Канунникова Н. Г. Государственное управление в условиях цифровизации: зарубежный опыт, проблемы и перспективы развития // Административное право и процесс. — 2023. — № 6. — С. 38–40.
4. Касьянов С. В. Цифровая трансформация как новый драйвер повышения результативности в системе государственного и муниципального управления // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2019. — № 9. — С. 5–12.
5. Талапина Э. В. Применение блокчейна в государственном управлении: перспективы правового регулирования // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2020. — № 3. — С. 96–113.

REFERENCES

1. Gubin AM. Digitalization and Public Administration: Specificity of Interaction and Development Paths. *Law and Digital Economy*. 2021;4:50-55. (In Russ.).
2. Zubarev SM. Legal Risks of Digitalization of Public Administration. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2020;6:23-32. (In Russ.).
3. Kanunnikova NG. Public Administration in the Conditions of Digitalization: Foreign Experience, Development Problems and Prospects. *Administrative Law and Procedure*. 2023;6:38-40. (In Russ.).
4. Kasyanov SV. Digital transformation as the new driver improves the efficiency in the system of state and municipal management. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*. 2019;9:5-12. (In Russ.).
5. Talapina EV. Application of blockchain in public administration: prospects for legal regulation. *Public Administration Issues*. 2020;3:96-113. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2024.32.4.011-018

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Шпаковский Юрий Григорьевич,

профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный редактор научного юридического журнала «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», член научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор 125993, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
jgshpakovskij@msal.ru

© Шпаковский Ю. Г, 2024

Аннотация. Статья посвящена правовому анализу трансформации государственной политики Российской Федерации в области защиты населения в военное время. Акцент в исследовании делается на основных предпосылках реформирования системы гражданской обороны начиная с 1990-х гг. Современные проблемы развития гражданской обороны автор рассматривает с учетом опыта СВО. Сегодня, когда идет СВО и военные действия затрагивают не только приграничные, но и регионы России в глубине территории, объективно ставится вопрос: насколько ГО России соответствует своему назначению — защите населения, материальных и культурных ценностей в военное время. Характерной особенностью современного военного конфликта между государствами является отсутствие единого понимания процедур перехода в состояние войны. Вместе с тем сохраняется вероятность возникновения военных конфликтов в классическом виде с типовой структурой и этапами развития. В этом случае будут иметь место такие составляющие ведения ГО, как угрожаемый период, перевод системы с мирного на военное время, введение военного положения и задействование планов ГО и защиты населения и др. Автор обосновывает необходимость введения в комплекс мероприятий гражданской обороны элементов активной защиты промышленных объектов от беспилотных летательных аппаратов, используя в качестве правовой основы нормативные акты ФСБ России о принятии решения о пресечении функционирования беспилотных воздушных, подводных и надводных судов и аппаратов.

Ключевые слова: государство; политика; безопасность; право; закон; законодательство; защита населения; военное время; гражданская оборона; СВО.

STATE POLICY IN PROTECTION OF THE POPULATION IN WARTIME

Yuriy G. Shpakovskiy,

Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Environmental and Natural Resources Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Scientific Council

under the Security Council of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

jgshpakovskij@msal.ru

Abstract. The paper is devoted to the legal analysis of the transformation of the state policy of the Russian Federation in the field of population protection in wartime. The study focuses on the main prerequisites for reforming the civil defense system since the 1990s. The author considers modern problems of the development of civil defense taking into account the experience of the SMO. Today, when there is a SMO and military operations affect not only the border, but also the regions of Russia in the depths of the territory, the question is objectively posed: how much does the civil defense of Russia corresponds to its purpose — the protection of the population, material and cultural values in wartime. A characteristic feature of modern military conflict between states is the lack of a common understanding of the procedures for transition to the state of war. At the same time, the likelihood of military conflicts in a classic form with a typical structure and stages of development remains. In this case, there will be such components of the civil defense as the threatened period, the transfer of the system from peacetime to wartime, the introduction of martial law and the use of civil defense and population protection plans, etc. The author justifies the need to introduce into the set of civil defense measures elements of active protection of industrial facilities from unmanned aerial vehicles, using as a legal basis the regulations of the FSB of Russia on the adoption of a decision to suppress the functioning of unmanned aerial, underwater and surface vessels and vehicles.

Keywords: State; politics; safety; right; law; legislation; protection of the public; war-time; civil defense; SMO.

Стратегия национальной безопасности определила, что достижение целей обороны страны, в числе иных, осуществляется путем повышения готовности сил и средств гражданской обороны. Особое внимание уделяется планированию и проведению мероприятий по подготовке к защите и по защите населения, материальных и культурных ценностей на территории Российской Федерации от опасностей, возникающих при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов¹.

Со времени начала СВО на Украине 24 февраля 2022 г. прошло достаточно времени, чтобы провести обобщение и анализ основных тенденций развития военного дела, извлечь уроки и сделать практические выводы. Уже сейчас можно говорить, что в современном мире меняется характер боевых действий, акцент делается на нанесение ударов высокоточным оружием, в том числе и по объектам энергетики, системам жизнедеятельности населения. В СВО впервые задействован практически полный арсенал имеющихся средств ведения боевых действий, кроме ядерного оружия.

После 1991 г. и до 2022 г. межгосударственные конфликты характеризовались обычно ярко выраженным дисбалансом сил. Например, операции США и их союзников в Ираке, Югославии.

Военные конфликты, происходившие при явном техническом превосходстве одной из сторон, способствовали формированию у обществ и политиков крайне искаженных представлений о уровне риска и потерях. Это существенно исказило

¹ См.: ст. 40 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400).

восприятие войны и способствовало отрицанию многих основополагающих истин. Сфера защиты населения (гражданская оборона) также не осталась в стороне от этих изменений.

Современные военные противостояния между государствами характеризуются отсутствием ряда классических признаков, например, угрожаемого периода, процедуры официального перехода к состоянию войны. Локальные периодические (эпизодические) военные действия между государствами (государством и террористическими вооруженными формированиями) могут вестись на протяжении длительного периода без официального объявления о начале войны, не стабильном составе участников военного конфликта². В таких конфликтах появляется множество беженцев, нарастает потребность в оказании медицинской и гуманитарной помощи пострадавшему населению, а защита населения обычно сводится к оповещению о ударах противника и укрытию в защитных сооружениях. К ликвидации последствий ударов противника по объектам в городах привлекаются, как правило, штатные медицинские службы, пожарные формирования и подразделения вооруженных сил.

Целенаправленная деятельность государственных структур по защите населения в военное время имеет сравнительно небольшую историю. До начала XX в. защита населения не имела организующей основы. Появление в России первой организации по оказанию помощи пострадавшему гражданскому населению — Крестовоздвиженской общины сестер милосердия относится к 1854 г. Создал общину Н. И. Пирогов., который разработал устав ее деятельности и привез общину в Севастополь для оказания помощи жертвам Крымской войны. В последующем, с возрастанием характера и масштабов возможных угроз и опасностей появилась необходимость организации защиты населения на государственном уровне. Так, в 1932 г. в нашей стране начала отсчет государственная деятельность по защите населения от военных угроз.

Главная страница гражданской обороны связана с появлением на вооружении вероятного противника ядерного и иного оружия массового поражения, а также реальной угрозой его применения. Это потребовало вопросы гражданской обороны рассматривать как элемент обороны страны. Карибский кризис 1962 г. показал: противостояние между США и СССР достигло такого «градуса накала», что обмен ядерными ударами был вполне реален. Облик системы был определен постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 13.07.1961 № 639-275, утвердившем «Положение о гражданской обороне СССР».

В стране формируется единая государственная система защиты населения и повышения устойчивости объектов и отраслей народного хозяйства. Причем вопросы повышения устойчивости с середины 70-х гг. XX в. приобретают приоритетное значение. Затронул этот процесс и науку. В 1976 г. в стране создается специальный научно-исследовательский институт (42 ВНИИ МО СССР), а в каждом союзном министерстве соответствующее подразделение (второй отдел или управление) по вопросам устойчивого развития объектов и отраслей народного хозяйства. Дополнительно в головных отраслевых научно-исследовательских учреждениях образуются лаборатории (отделы) по проблемам устойчивости. Можно с уверенностью сказать, что к середине 80-х гг. XX в. в СССР была создана серьезная научная кооперация в сфере обеспечения устойчивости отраслей и объектов народного хозяйства в военное время. Очень важно, что вопросы устойчивости были увязаны с проблемами мобилизационной подготовки.

Более того, в эти годы совместно с МО СССР проводились исследования в области прогнозирования последствий применения противником ядерного оружия для

² См., например: Вахрушев В. А., Вылугин В. В. Анализ современных геополитических тенденций и их влияния на национальную безопасность Российской Федерации // Военная мысль. 2024. № 9. С. 22–29 ; Зарудницкий В. Б. Тенденции изменения системы обеспечения военной безопасности государства в условиях новой геополитической карты мира // Военная мысль. 2024. № 2. С. 6–14 ; Таненя О. С., Вдовин А. В. Трансформация вооруженного противоборства: обусловленность новой тенденции военного искусства // Военная мысль. 2024. № 3. С. 38–45.

экономики и населения. Существенным результатом стало появление расчетных вариантов для оценки последствий применения противником ядерного оружия по городам и крупным промышленным объектам СССР. Следует сказать, что на основе данных расчетных вариантов разрабатывались планы гражданской обороны всех уровней. Но действительно ли в СССР верили, что силами и средствами гражданской обороны в условиях ядерной войны может быть проведена эвакуация населения из крупных городов, организация защиты уязвимых (критических) элементов промышленных объектов и т.д. Или в руководстве военного ведомства и правительстве понимали, что реально многие элементы гражданской обороны, в том числе и невоенно-низированные формирования и службы гражданской обороны существуют только на бумаге, а в условиях войны их сложно будет организовать и укомплектовать. Но эти проблемы не озвучивали.

Достаточно вспомнить, что в годы Великой Отечественной войны для решения вопросов эвакуации населения и восстановления объектов народного хозяйства решались в специально созданных органах при Совете Народных Комиссаров СССР, именно Советом по эвакуации и Комитетом по восстановлению народного хозяйства.

Сегодня говорят, что толчком коренной перестройки гражданской обороны в середине 80-х гг. стала авария на Чернобыльской АЭС. Действительно, руководство страны поставило вопросы резкого повышения защищенности населения в условиях возможных чрезвычайных ситуациях мирного времени.

В условиях существования двух военных блока НАТО и Варшавского Договора, наличия больших арсеналов оружия массового поражения ставило под сомнение саму возможность вести войну без применения ядерного оружия. Однако уже в начале 80-х гг. в стране начали проработку вариантов неядерного варианта возможных военных конфликтов между блоком Варшавского Договора и НАТО. На вооружении стран НАТО в те годы стали появляться крылатые ракеты морского, воздушного и наземного базирования, оснащенные боевыми частями в обычном снаряжении (фугасные, кумулятивные, объемно-детонирующие и т.д.). С другой стороны, усложнение технологий в промышленности объективно высветило проблему защиты критически важных объектов и элементов, поражение которых с применением высокоточного оружия в обычном снаряжении нанесет не меньший ущерб для экономики, чем при ударах ядерным оружием. Важным было прогнозирование последствий неядерных ударов по объектам экономики с возможным вторичным поражением (пожароопасные, взрывоопасные предприятия, платины, АЭС, химические, нефтехимические предприятия и т.д.). Уже в 1985 г. исследования последствий ударов крылатыми ракетами по АЭС, проводимыми специалистами 42 ВНИИ МО СССР и Курчатовского института свидетельствовали о возможно серьезной радиационной обстановке в радиусе 30–50 км.

В военном руководстве СССР серьезно не относились к варианту длительного ведения войны между ядерными державами с применением только обычного. В планах Генерального Штаба СССР допускался в случае начала войны с блоком НАТО некоторый короткий период, когда в ходе боевых действий не применяется ядерное оружие. Но длительность этого периода была не более нескольких недель. Таким образом, в СССР в 80-е гг. мероприятия по защите населения и повышению устойчивости народного хозяйства при неядерном варианте ведения масштабной войны не планировались. Все исходные данные для планирования мероприятий ГО были связаны с вариантом массированного применения ядерного оружия по всей территории страны.

Однако уже в последние годы существования гражданской обороны СССР у большинства населения страны появился небеспочвенный скептицизм в отношении возможностей гражданской обороны обеспечить надежную защиту в условиях современной ядерной войны. Следует сказать, что и руководство нового органа МЧС России понимало неспособность действующей системы гражданской обороны обеспечить защиту жизни населения страны в условиях большой войны. На вооружение был взят принцип, что любая государственная система лишь тогда жизнеспособна и

эффективна, когда она находится в развитии, в динамике, в движении. Но, главное, чтобы эта система была востребована каждый день. Поэтому в условиях дефицита финансовых средств и существенной дезорганизации системы управления страны, необходимо было выстроить эффективную систему защиты населения и территорий от ЧС мирного времени³. Поиску новых подходов к организации не способствовало и отношение руководителей строительных компаний и промышленных предприятий, для которых реализации мероприятий ГО по действующим нормативным актам было затратным и ненужным. На этой волне перепрофилировались защитные сооружения.

Начиная с 1992 г. руководство МЧС России объективно столкнулось с рядом правовых неопределенностей в вопросе организации гражданской обороны. Так, Положение о гражданской обороне СССР формально действовало, но реально не отвечало новым политическим и экономическим условиям России. Частично удалось остановить развал системы гражданской обороны принятием Указа Президента РФ от 08.05.1993 № 643, которым руководство гражданской обороны было возложено персонально на Председателя Правительства РФ, а также подтверждено, что нормативные акты СССР в области гражданской обороны продолжают иметь юридическую силу.

В 2024 г. легко делать выводы, что правильно было сделано в 90-годы, а что нет. Вопросы обороны в этот период не являлись для руководства страны первоочередными, а значит, гражданской обороны как элемент обороны в деятельности МЧС России так же занимала далеко не приоритетное значение. Даже тематика научных исследований головного института МЧС России — ВНИИ ГОЧС была преимущественно ориентирована на ЧС мирного времени. В силу объективных обстоятельств в этот период акцент делался на процесс интеграции систем защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и гражданской обороны. Этот процесс затрагивал как правовые, так и методологические и организационные основы.

Следующий период (1998–2003) условно можно назвать «Модернизация системы гражданской обороны», ее построение на новых организационно-правовых принципах. Это период связан с появлением в 1998 г. первого в истории нашей страны Федерального закона от 12.02.1998 № 28-ФЗ «О гражданской обороне». Разработчики закона попытались связать традиционные задачи ГО с действующими международными документами. В результате на ГО было возложены задачи, преимущественно повторяющие положения Женевских конвенций 1949 г.

В соответствии с законом гражданская оборона всё меньше рассматривались в качестве стратегического элемента обороны страны. Кроме того, закон о гражданской обороне постепенно утратил связь с Положением о гражданской обороне СССР. Существенно изменились задачи системы гражданской обороны. Правда, копирование задач гражданской обороны и механизмов их осуществления, определенных Женевскими конвенциями вряд ли можно назвать разумным. Так, достаточно сложно представить как в условиях современной войны может быть реализовано положение статьи 63 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям, согласно которой «На оккупированных территориях гражданские организации гражданской обороны получают от властей содействие, необходимое для осуществления их задач... Оккупирующая держава не вносит никаких изменений в структуру или персонал этих организаций, которые могли бы поставить под угрозу эффективное выполнение их задач. От этих организаций не требуется предоставление приоритета гражданам или интересам этой державы»⁴.

³ Воробьев Ю. Л. Современный этап развития гражданской обороны // Гражданская защита. 2015. № 11.

⁴ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12.08.1949, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 08.06.1977 (Протокол I) (с изм. и доп.).

В начале 2000-х гг. указом Президента РФ был утвержден первый в истории России План гражданской обороны РФ, проведено новое категорирование объектов экономики и городов по гражданской обороне.

Если в советское время для разработки планов гражданской обороны все уровни опирались на данные Генерального штаба СССР о возможных ударах противника ядерным оружием по городам и промышленным объектам. Эти данные (сетка ударов противника) служили исходными для прогнозирования инженерной и радиационной обстановки в крупных городах и на ключевых объектах народного хозяйства, разработки мероприятий по защите населения и повышению устойчивости народного хозяйства. В 2000 г. таких данных разработки Плана гражданской обороны РФ не имели. По всей видимости вероятное противостояние с США и другими странами НАТО считалось маловероятным. боеготовое состояние.

СВО поставило перед фактом, что хотя набор форм и методов защиты населения в военное время довольно консервативен и традиционен, однако нельзя при планировании рассматривать только классический вариант ведения войны. Какие выводы можно сделать для развития гражданской обороны исходя из опыта СВО.

Во-первых, планы гражданской обороны и защиты населения должны быть скорректированы в соответствии с современными реалиями. Это касается и правовой основы для их реализации. Хотя, характерной особенностью современного военного конфликта между государствами — является отсутствие единого понимания процедур перехода в состояние войны. Вместе с тем сохраняется вероятность возникновения военных конфликтов в классическом виде с типовой структурой и этапами развития. В этом случае будут иметь место такие составляющие ведения ГО, как угрожаемый период, перевод системы с мирного на военное время, введение военного положения и задействование планов ГО и защиты населения и др.

Во-вторых, в современных войнах мероприятия ГО не будут носить масштабного характера, в особенности на всей территории страны или ее значительной части. Масштабные мероприятия по эвакуации из крупных городов и рассредоточение населения в загородной зоне маловероятны. Защита населения преимущественно будет строиться с использованием в качестве защитных сооружений любых, приспособленных для этого заглубленных объектов: подвалов, станций метро и др.

В современных конфликтах акцент смещается в сторону проведения военных операций с использованием современного высокоточного оружия в безъядерной конфигурации, которое отличается высокой разрушительной мощностью и оперативностью управления (бесконтактные войны). Тактика ведения бесконтактных войн подразумевает нанесение ущерба противнику без непосредственного взаимодействия с ним.

Основные цели бесконтактной войны заключаются в причинении неприемлемого ущерба экономическому и военному потенциалу государства с целью принуждения к выполнению предъявляемых требований. Например, в 1999 г., в ходе агрессии НАТО против Югославии, за полтора месяца операции было осуществлено почти 2 300 авиационно-ракетных атак на объекты системы энергетики, транспорта, управления, а также радиовещания и телевидения.

В-третьих, комплекс мероприятий ГО, согласно действующему законодательству, носит, как и прежде, пассивный характер. Хотя был период введения активного элемента в мероприятия по защите населения. Достаточно вспомнить местную противовоздушную оборону (МПВО). В период Великой Отечественной войны уже 2 июля 1941 г. вышло постановление СНК СССР «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне». Согласно этому постановлению все советские граждане от 16 до 60 лет должны были овладеть необходимыми знаниями по противовоздушной обороне. Также создавались группы самозащиты в жилых домах. Это был серьезный и значимый элемент защиты как населения, так и объектов жилого и социального назначения при воздушных налетах противника.

Представляется целесообразным введение элементов активной защиты промышленных объектов от беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), например,

подготовка из числа работающей смены отрядов борьбы с БПЛА. В настоящее время ФСБ России своим приказом определила порядок принятия решения о пресечении функционирования беспилотных воздушных, подводных и надводных судов и аппаратов⁵. В соответствии с данным документом, нежелательное размещение указанных объектов в воздушном, подводном и надводном пространстве может быть предотвращено посредством подавления или изменения сигналов дистанционного управления, влияния на их пульта управления, а также через повреждение или уничтожение этих объектов.

Необходимо осуществить создание подразделений гражданской обороны для борьбы с БПЛА на всех объектах критической инфраструктуры (рабочее название «Мобильные группы ГО огневого подавления беспилотников»). Эти подразделения должны стать важным звеном региональной, эшелонированной и многоступенчатой системы раннего обнаружения и уничтожения БПЛА. Для этого необходимо использовать ресурсы предприятий и активно взаимодействовать с подразделениями Вооруженных сил. Опыт прошлых войн подсказывает, что в действиях против БПЛА и высокоточного оружия могут быть эффективными маскировка объектов дымами, камуфляжными маскировочными сетями, создание ложных объектов и т.д. Методы старые, но эффективные.

В-четвертых, необходимо учитывать и новейшие составляющие обеспечения боевых действий в современных войнах, это прежде всего информационное обеспечение с использованием Интернета и искусственного интеллекта. Так, особенность СВО является массовое использование ВСУ терминалов глобальной спутниковой системы Starlink⁶. Именно массовое использование высокоскоростного широкополосного спутникового доступа в Интернет позволило ВСУ по ряду позиций осуществить формирования тактической цифровой среды. Это высокотехнологические средства ведения войны и эффективные способы и методы противодействия им еще предстоит разработать. Но важно учитывать тот факт, что повышенная зависимость от Интернета, искусственного интеллекта для принятия противником управленческих решений, наведение высокоточного оружия на объекты поражения создают новые возможности для противодействия путем проведения кибератак и операций влияния.

Перечисленные направления совершенствования ГО потребуют существенной переработки нормативной правовой базы ГО, в том числе уточнения действующих документов стратегического планирования, прежде всего Стратегии развития гражданской обороны 2019 г. и Положения о гражданской обороне в Российской Федерации 2007 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Вахрушев В. А., Вылугин В. В. Анализ современных геополитических тенденций и их влияния на национальную безопасность Российской Федерации // Военная мысль. — 2024. — № 9. — С. 22–29.
2. Воробьев Ю. Л. Современный этап развития гражданской обороны // Гражданская защита. — 2015. — № 11.

⁵ См.: приказ ФСБ России от 17.11.2023 № 513 «Об утверждении Порядка принятия решения о пресечении функционирования беспилотных воздушных, подводных и надводных судов и аппаратов, беспилотных транспортных средств и иных автоматизированных беспилотных комплексов в целях обеспечения выполнения задач, возложенных на органы федеральной службы безопасности федеральным законодательством, а также Перечня должностных лиц органов федеральной службы безопасности, уполномоченных на принятие такого решения».

⁶ Система Starlink разработана американской компанией SpaceX и обеспечивает высокоскоростной широкополосный спутниковый доступ в Интернет.

3. Зарудницкий В. Б. Тенденции изменения системы обеспечения военной безопасности государства в условиях новой геополитической карты мира // Военная мысль. — 2024. — № 2. — С. 6–14.
4. Развитие гражданской обороны Российской Федерации в соответствии с задачами и приоритетными направлениями Основ государственной политики Российской Федерации в области гражданской обороны на период до 2030 года : материалы научно-технической конференции / МЧС России. — М. : ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2017. — 112 с.
5. Таненя О. С., Вдовин А. В. Трансформация вооруженного противоборства: обусловленность новой тенденции военного искусства // Военная мысль. — 2024. — № 3. — С. 38–45.

REFERENCES

1. Vakhrushev VA, Bylugin VV. Analysis of modern geopolitical trends and their impact on the national security of the Russian Federation. *Voennaya mysl'*. 2024;9:22-29. (In Russ.).
2. Vorobjev YuL. Sovremennyy etap razvitiya grazhdanskoy oborony. *Grazhdanskaya zashchita*. 2015;11. (In Russ.).
3. Zarudnitskiy VB. Trends of changes in the system of providing military security of the state in the conditions of the new geopolitical map of the world. *Voennaya mysl'*. 2024;2:6-14. (In Russ.).
4. Development of the civil defense of the Russian Federation in accordance with the tasks and priority areas of the Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the field of civil defense for the period up to 2030: Proceedings of the scientific and technical conference. EMERCOM of Russia. Moscow: All-Russia Scientific Research Institute on Problems of Civil Defense and Emergency Situations; 2017. (In Russ.).
5. Tanenya OS, Vdovin AV. The Transformation of Armed Confrontation: The Conditionality of a New Trend in Military Art. *Voennaya mysl'*. 2024;3:38-45. (In Russ.).

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА КОЛЛЕКТИВНОГО ЗАПАДА КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Поляков Семен Алексеевич,

доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса
Луганской академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук
291047, Россия, г. Луганск, квартал Пролетариата Донбасса, д. 5
prock-rock@mail.ru

© Поляков С. А., 2024

Аннотация. В статье отражены актуальные проблемы обеспечения международной и национальной безопасности в условиях гибридной войны России с коллективным Западом. Раскрыты основные виды гибридных угроз, предложены пути решения для ослабления влияния всеобщего давления со стороны Европейского Союза, США и Великобритании. Автором предложен путь разрешения проблем гибридных угроз России в период проведения специальной военной операции и освободительных действий в отношении угнетенного донбасского народа. Угнетение указанного народа происходит сегодня на неосвобожденных территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей. Гибридная война с коллективным Западом фактически длится со времен холодной войны СССР и США путем различных экстремистских проявлений и манипуляций в отношении гражданского населения, привития нетрадиционных ценностей, ЛГБТ-отношений, любви к западной культуре, прозападным героям Marvel, DC и Netflix, пропаганде капиталистических отношений западной модели. Кроме того, ведется активная работа с молодежью страны с помощью организованного десятилетиями студенческого обмена с США и Европой, в которых наше молодое поколение, как правило, трудится официантами, грузчиками и разнорабочими. В научной литературе в последнее время активно обсуждаются проблемы международных проамериканских школ в России, в которых пропагандируются ценности коллективного Запада, празднуются праздники, чуждые современной России, нашей истории и историческим предпосылкам. Известны факты признания таких школ иноагентами. Западом иницируются и финансируются различные «квази» цветные революции на постсоветском пространстве (Армения, Белоруссия, Грузия, Киргизия и Украина), ведется многолетнее создание «пятой колонны» в Российской Федерации.

Ключевые слова: национальная и международная безопасность; пятая колонна; западный кинематограф; духовные скрепы; права граждан; образовательные учреждения; неочевидные угрозы; защита национальных интересов; коллективный Запад; Родина; патриотическое воспитание.

THE HYBRID WAR OF THE COLLECTIVE WEST AS A THREAT TO NATIONAL AND INTERNATIONAL SECURITY

Semen A. Polyakov,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure, Lugansk Academy of the Investigation Committee of the Russian Federation, Lugansk, Russian Federation

prock-rock@mail.ru

Abstract. *The paper focuses on the urgent problems of ensuring international and national security in the context of a hybrid war between Russia and the collective West. The main types of hybrid threats have been disclosed, solutions have been proposed to mitigate the impact of general pressure from the European Union, the USA and the UK. The author proposed a way to resolve the problems of hybrid threats to Russia during Special Military Operation and liberation actions against the oppressed Donbass people. The oppression of this people is taking place today in the unreleased territories of the Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporizhskaya and Kherson regions. The hybrid war with the collective West has actually lasted since the Cold War of the USSR and the USA through various extremist manifestations and manipulations against the civilian population, instilling non-traditional values, LGBT relations, love for Western culture, pro-Western heroes of Marvel, DC and Netflix, propaganda of capitalist relations of the Western model. In addition, active work is underway with the youth of the country through a student exchange organized for decades with the United States and Europe, in which our younger generation, as a rule, works as waiters, loaders and repair people. Recently, scientific literature has been actively discussing the problems of international pro-American schools in Russia promoting the values of the collective West, celebrating holidays alien to modern Russia, our history and historical prerequisites. The facts of recognition of such schools as foreign agents are known. The West initiates and finances various «quasi» color revolutions in the post-Soviet space (Armenia, Belarus, Georgia, Kyrgyzstan and Ukraine), a long-term creation of a «fifth column» in the Russian Federation is underway.*

Keywords: *national and international security; fifth column; Western cinema; spiritual staples; citizens' rights; educational institutions; non-obvious threats; protection of national interests; collective West; Homeland; patriotic education.*

Гибридная война для многих юристов практиков и ученых — понятие политологическое, однако сегодня в условиях проведения специальной военной операции в России явно проявляются неверные ориентиры развития федерального законодательства в 90-х гг. прошлого столетия и 00-х XXI в., которые, по нашему мнению, связаны с недооцененностью гибридных угроз коллективного Запада. Действия (угрозы) такой войны способны свергать государственный строй, менять мышление и ориентиры гражданского населения, побуждать к гражданским войнам и революциям, снижать рождаемость, сеять хаос и неопределенность, ломать экономику страны и побуждать к революциям.

Гибридные угрозы международной и национальной безопасности следует классифицировать на следующие виды:

- 1) угрозы классического типа (вооруженные конфликты, военные противостояния, насильственный захват чужой территории, опасность вражеской артиллерии и пр.);
- 2) угрозы, связанные с беспилотными летательными аппаратами, начиненными взрывчаткой, направленными в социально значимые и объекты энергетики и другие объекты;

- 3) угрозы террористических актов, в том числе ядерного терроризма, направленного на возникновение пожаров или взрывов на территории атомной электростанции с целью создания мирового хаоса и массовых жертв международного характера (Запорожская АЭС, Курская АЭС и пр.). Нередки случаи террористических актов на территории новых субъектов России, совершенные в отношении гражданского населения¹;
- 4) угрозы «пятой колонны» (Work and Travel USA, Access, FLEX, Advance, Global UGRAD, Fulbright, международные школы проамериканской идеологии, функционирующие на территории России в крупных городах России в Москве, Санкт-Петербурге, Казани и в других городах, как правило, субъектового значения), создающиеся с целью породить революционные движения против государственного строя страны. К данному виду гибридной угрозы в популярном кинематографе также относятся: популяризация героев западного кинематографа, американского флага, американского английского языка; выставление в художественных произведениях Советского союза как слабого, недоразвитого государства с многочисленными социальными проблемами; жестокое убийство русских солдат в фильмах; выставление российских спортсменов с непорядочной стороны, использующих допинги и иные запрещенные медицинские препараты, создание в фильмах Коллективного запада образа русского эмигранта в США, как правило, как преступную единицу, состоящую в преступном синдикате страны и пр. Несмотря на внесение изменений в федеральные законы², каждый российский гражданин и гость нашей страны (в том числе ребенок) может посмотреть в сети Интернет фильмы с пропагандой нетрадиционных ценностей, в том числе историческое кино, не имеющее отношение и связи к истории Британской империи и стран коллективного Запада. Данные произведения наносят вред молодому населению России и создают трудности для реализации общественно-важного государственного проекта по патриотическому воспитанию молодежи для восполнения потерянного времени в прошлых десятилетиях;
- 5) угрозы «информационного гипноза» с помощью проамериканских СМИ, сайтов в сети Интернет, мессенджеров (Google Messages, Facebook Messenger, WhatsApp, Telegram и др.);
- 6) пролоббированность международных институтов правосудия (Международного уголовного суда, Европейского Суда по правам человека, Интерпола и других международных органов правосудия).

К примеру, А. А. Данельяном, Т. Д. Оганасяном справедливо отмечено, что Международный уголовный суд, основанный на Римском статуте 1998 г. и созданный для преследования виновных в геноциде, преступлениях против человечества и военных преступлениях, был дискредитирован, своим же, бывшим прокурором Луисом Морено. В 2017 г. было раскрыто существование счетов и офшорных компаний на Карибских островах, принадлежащих данному прокурору³. Предположительно

¹ Следователи, криминалисты и эксперты СК России работают на месте гибели депутата двух созывов Народного Совета ЛНР // URL: <https://lnr.sledcom.ru/news/item/1844220>; А. И. Бастрыкин запросил доклад о ходе расследования обстоятельств гибели Михаила Филиппоненко в Луганске // Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Луганской Народной Республике. URL: <https://lnr.sledcom.ru/news/item/1837169/> (дата обращения: 20.12.2024).

² Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; Закон от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»; Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»; Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе»; Федеральный закон 22.08.1996 № 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» // СПС «Гарант».

³ Данельян А. А., Оганасян Т. Д. Международный уголовный суд и иммунитеты // Международный правовой курьер. 2024. № 3. С. 46–52.

данные незаконно полученные денежные средства были присвоены прокурором в результате длительного исполнения должностных обязанностей.

При этом Международный уголовный суд и Европейский Суд по правам человека запятнаны в многочисленных грубых нарушениях юрисдикции, территориальности и процессуальных противоречиях⁴.

Одновременно, как мы видим, революции на постсоветском пространстве проводятся на регулярной основе. За истекшие 25 лет нам известно по меньшей мере о 6 значительных событиях в бывших странах СССР:

- Армения «Бархатная революция» 2018 г.;
- Белоруссия «Васильковская революция» 2006 г.;
- Грузия «Революция роз» 2003 г.;
- Киргизия «Тюльпановая революция» 2005 г.;
- Украина «Оранжевая революция» 2004 г.

Не случайность таких революций связана с множественностью факторов. Это и повальная коррупция, созданная элитами на местах для лоббирования собственных интересов, отсутствие адекватных механизмов борьбы с ней, отсутствие эффективного управления государством, и конечно же, выгода таких революций для коллективного Запада с целью наращивания вооруженных сил на территории подконтрольных стран для создания более выгодного положения в случае эскалации конфликта с Россией и ее партнерами. Революции и массовые протесты в бывших странах СССР проводятся на регулярной основе, что представляется весьма неоднозначным.

Как верно отмечено, что постоянно меняющийся формат гибридной войны заставляет регулярно и своевременно пересматривать имеющиеся концепции противодействия⁵, требуются новые ответы на новые вызовы, способные подорвать национальную безопасность и повлиять на всеобщую безопасность мира и человечества.

Для реализации целей, поставленных Российской Федерацией по обеспечению внешней политики, национальной безопасности и патриотического воспитания, требуются дополнительные действенные меры, в том числе затрагивающие вопросы регулирования сферы вещания, рекламы, кинематографа, искусственного интеллекта, образовательной деятельности с установлением запрета такой трудовой деятельности для граждан коллективного Запада.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Данельян А. А., Оганасян Т. Д. Международный уголовный суд и иммунитеты // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». — 2024. — № 3. — С. 46–52.
2. Криштопов С. В. Криминологическая обусловленность современной уголовной политики в сфере противодействия экстремистским преступлениям // Крымские юридические чтения : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции : в 2 т., Ялта, 15–16 июня 2023 г. Т. 1. — 2023. — С. 256–260.
3. Чураков Д. О. Исторические уроки Второй арцахской (нагорно-карабахской) войны 2020 г. // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. — 2023. — № 3 (51). — С. 23–30.

⁴ О выходе России из Совета Европы // МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1834254/ (дата обращения: 20.12.2024).

⁵ Криштопов С. В. Криминологическая обусловленность современной уголовной политики в сфере противодействия экстремистским преступлениям // Крымские юридические чтения : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Ялта, 15–16 июня 2023 г. : в 2 т. Т. 1. 2023. С. 256–260.

REFERENCES

1. Danelyan AA, Oganasyan TD. International Criminal Court and Immunities. *International Legal Courier*. 2024;3:46-52. (In Russ.).
2. Krishtopov SV. Kriminologicheskaya obuslovlennost sovremennoy ugovnoy politiki v sfere protivodeystviya ekstremistskim prestupleniyam. Crimean Legal Readings: *Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Yalta, June 15–16, 2023*. In 2 vols. Vol. 1. 2023. (In Russ.).
3. Churakov DO. Historical Lessons of the Second Artsakh (Nagorno-Karabakh) War of 2020. *Bulletin of State University of Humanities and Social Studies*. 2023;3(51):23-30. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2024.32.4.024-030

УПУЩЕННАЯ ФЕДЕРАЛИЗАЦИЯ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ПРИЧИНА УПАДКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Шарапов Роман Дмитриевич,
студент Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
romanszarapow@yandex.pl

© Шарапов Р. Д., 2024

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемы федерализации российского государства. С XVI в. Россия представляла собой многонациональное государство, населенное славянскими, тюркскими, финно-угорскими народами. Все эти народы были частью населения российского государства из-за возвышения и дальнейшей экспансии Московского княжества, сформировавшего сначала костяк сопротивления Золотой Орде, а позже создавшего объединенное Русское государство. В статье рассматривается, как природа Московского княжества повлияла на «самодержавность» Русского царства, а позже и Российской империи. Основной целью исследования является выявление тенденций и закономерностей в развитии российского государства, воспрепятствовавших его более ранней федерализации. Для достижения этой цели автор рассматривает проблематику определения хронологии России как многонационального государства, обозначает основные направления государственного строительства и препятствия к созданию предпосылок федерализации накануне возвышения Москвы и объединения русских княжеств, выявляет причины популяризации федерализма в начале XIX в., характеризует программы декабристов по федерализации России, основываясь на проекте программного документа Северного тайного общества — Конституции Н. М. Муравьева, анализирует последствия Декабристского антиправительственного восстания, выявляет причины запоздалости принятия решений и игнорирования проблем центром Российской империи перед Февральской революцией. Для достижения научности автор использует свидетельства: документы, исторические факты и юридические нормы. Кроме того, в статье используются различные позиции исследователей этой проблемы, что позволяет достичь непредвзятости повествования. Статья направлена на широкий по своим хронологическим рамкам анализ процесса государственного строительства российского государства, объяснение причин тех или иных проблем такого государственного строительства и выявление глубинных связей между отдельными событиями в отечественной истории. Совокупность целей и задач исследования, а также хронологическая последовательность повествования формирует устойчивый мировоззренческий каркас, направленный на фундаментальное изучение предпосылок современного федерализма в России.

Ключевые слова: государственное строительство; законодательная деятельность; история государства и права России; парламентаризм в России; Российская империя; российское государство; федерализм.

A FORGONE FEDERALIZATION AS A FUNDAMENTAL REASON FOR THE RUSSIAN EMPIRE DECLINE

Roman D. Sharapov,

Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow,
Russian Federation

romanszarapow@yandex.pl

Abstract. The article is devoted to the consideration of the problem of federalization of the Russian state. Since the XVI century. Russia was a multinational state inhabited by Slavic, Turkic, Finno-Ugric peoples. All these peoples were part of the population of the Russian state due to the rise and further expansion of the Moscow principality, which first formed the backbone of resistance to the Golden Horde, and later created the united Russian state. The article examines how the nature of the Moscow principality influenced the «autocracy» of the Russian kingdom, and later the Russian Empire. The main purpose of the study is to identify trends and patterns in the development of the Russian state that prevented its earlier federalization. To achieve this goal, the author considers the problems of determining the chronology of Russia as a multinational state, denotes the main directions of state building and obstacles to creating the prerequisites for federalization on the eve of the rise of Moscow and the unification of Russian principalities, reveals the reasons for the popularization of federalism at the beginning of the 19th century, characterizes the programs of the Decembrists to federalize Russia, based on the draft program document of the Northern Secret Society — the Constitution of N. M. Muravyov, analyzes the consequences of the Decembrist anti-government uprising, reveals the reasons for the delay in decision-making and ignoring problems by the center of the Russian Empire before the February Revolution. To achieve scientificity, the author uses evidence: documents, historical facts and legal norms. In addition, the article uses various positions of researchers of this problem, which makes it possible to achieve an unbiased narrative. The article is aimed at a wide chronological framework analysis of the process of state building of the Russian state, explaining the reasons for certain problems of such state building and identifying deep connections between individual events in Russian history. The set of goals and objectives of the study, as well as the chronological sequence of the narrative, forms a stable ideological framework aimed at the fundamental study of the prerequisites of modern federalism in Russia.

Keywords: state construction; legislative activities; the history of the state and the law of Russia; parliamentarism in Russia; Russian Empire; the Russian state; federalism.

За все время своего существования, русское и российское государства претерпевали кардинальные изменения в этническом и территориальном аспекте. Начиная свою историю с 1263 г., Московское княжество постепенно поглощало русские удельные княжества, позже устремившись на восток. Таким образом, уже к XVI в. Россию можно рассматривать как многонациональное государство¹. Стоит также отметить, что само понимание нации в современном значении зародилось в XV–XVI вв. и тесно связано с процессами, проходившими в Европе и представлявшими собой явление объединительного национализма, когда народности со сходными идеокультурными признаками, войной или миром, объединялись в государства-нации. В целом в Европе можно выделить три основные очереди появлений национальных государств: национальные государства первой очереди, появившиеся в ходе развития капитализма и перехода Европы из Средневековья

¹ Трепавлов В. В. «Национальная политика» в многонациональной России XVI–XIX веков // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 60–73.

в Новое время (Франция, Англия, Испания, Польша), национальные государства второй очереди, образовавшиеся в ходе политических изменений в Новое время (Германия, Италия, страны Прибалтики) и поздние национальные государства, появившиеся в ходе изменений в Новейшее время (Беларусь, Украина, Казахстан). Россия же не могла стать государством-нацией, учитывая, что уже на тот момент оно было многонациональным.

Большая часть современных государств представляют собой унитарные государства, однако существует ряд современных и исторических государств с федеративной формой государственного устройства. В их числе, однако мы не найдем вторую по площади империю своего времени — Российскую империю. Россия в XVI в. представляла собой многонациональное и разношерстное население: ее населяли славянские (русские, украинские и белорусские народности), тюркские (казанские, астраханские и сибирские татары) и финно-угорские (карелы, коми, ненцы, ханты, манси, мордва и удмурты) народности. Зачастую государства с неоднородным этническим составом становятся федерациями, формируя особый класс в типологии федераций — этническую федерацию, однако ни в XVI в., ни позже в бытности империей, Россия не стала федерацией. Федеративное устройство России было введено уже после низложения монархии в России буржуазными силами уже после Октябрьской революции — Постановлением о государственном устройстве России от 06.01.1918² Чем можно объяснить такую запоздалость в введении федеративной формы государственного устройства в России, и как повлияла эта задержка на судьбу российского государства?

Условия развития федеративного устройства в российском государстве в XVI в., как и условия создания федеративного государства на тот момент в мире в принципе были неблагоприятными. Государства могли быть либо унитарными, обладающими сильным центром, как, например, Франция, либо конфедерациями, обусловленными, как правило, двумя факторами: тенденциями разъединения (Священная Римская империя) или объединения (Корона Польская и Великое княжество Литовское, Датско-Норвежское королевство). Стоит отметить, что Древняя Русь имела в своей истории период конфедеративной своей сущности. Эпоха раздробленности коснулась русского государства в период середины XII — XVI в., создав отдельную эпоху — эпоху феодальной раздробленности на Руси, завершение которой связано с восхождением Москвы и окончательным разделением Руси на государства Рюриковичей и Гедиминовичей. Сама сущность Московского княжества, как центра объединения восточной Руси, представляла собой препятствие для федерализации Русского государства позже, в XVIII–XIX вв., когда начали зарождаться первые федерации.

Москва, в отличие от Новгорода и Галиции, представляла собой феодальную монархию с сильной властью монарха-самодержца. Объединяя восточную Русь под свои началом, Москва распространяла свою модель отношений между боярами и монархом (князем, позже — царем) на подконтрольные территории. Самым ярким, на мой взгляд, примером тому может служить захват Новгородской вечевой республики Московским княжеством в 1478 г., когда в Новгороде были посажены московские наместники, а вечевой колокол был символически вывезен из города. Подобные вывозы вечевых колоколов проходили и в других вечевых республиках — в Вятке и в Пскове. Также в 1339 г. был вывезен в Москву и, вероятно, помещен на возведенной при Иване Калите на Соборной площади Церковь Иоанна Служителя Лествицы тверской колокол³. В отличие от Твери, в Вятке, Пскове и Новгороде

² Россия. Учредительное собрание (1918): Всероссийское учредительное собрание: [5 января 1918 г.: стенографический отчет / подгот. к печати И. С. Малчевский]; Централхив. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. С. 113. URL: <http://elibrary.ru/nodes/89707-Rossiia-uchreditelnoe-sobranie-5-yanvarya-1918-g-stenograficheskiy-otchet-m-l-1930-arhiv-oktyabrskoy-revoljutsii-1917-god-v-dokumentah-i-materialah#mode/inspect/page/147/zoom/4> (дата обращения: 20.12.2024).

³ Бондаренко А. Ф. История колоколов России XI–XVII веков. М.: Русская панорама, 2012. С. 129.

вечевой колокол символизировал независимость города в условиях отсутствия сильного политического веса князя-самодержца, а вывоз вечевых колоколов означал ликвидацию прежних вольностей. В Твери же вывезенный колокол не был вечевым, однако сама культура вывоза самого большого колокола уже на тот момент, видимо, присутствовала в общерусском культурном коде.

Россия стала многонациональной задолго до появления первой федерации, однако само развитие федералистской мысли проходило обок развития Русского царства. Ярким примером того может служить концепция теологического федерализма, столь популярного среди протестантов. Сам теологический федерализм является следствием ряда протестантских доктрин и активно развивался в Европе в XVI–XVII вв. Более того, в Европейских странах создавались зачатки и исторические предпосылки дальнейшего развития федерализма и федеративного устройства государств. Тем не менее сам федерализм является продуктом гуманизма и философии Нового времени, как совокупности отдельных философских течений того времени, и само создание федеративного государства в эпоху позднего Средневековья представляет собой совершенно невероятный исход истории. В момент становления многонациональным государством, Россия, будучи Русским царством, находилась под властью царя Ивана IV Грозного, чье репрессивное правление было по своей сути неэффективным и не позволяло создать предпосылки федерального управления в каком бы то ни было масштабе.

Осознание национальной проблемы в российском государстве появилось лишь во времена Российской империи, после Наполеоновских войн. Весь процесс культурного обмена между российской аристократией и западными странами приобрел характер системного, полноценного процесса, обладающего политическими и культурными тенденциями. В частности, совокупность философских мировоззрений объединила аристократию в тайные кружки, в рамках которых происходило обсуждение политических перспектив Российской империи и, как результат, зарождалось просвещенное мировоззрение нового поколения. Ярчайшим примером рассвета федерализма в Российской империи может служить Северное тайное общество, существовавшее в 1822–1825 гг. в рамках деятельности декабристского антиправительственного движения. Северное тайное общество активно продвигало федерализацию Российской империи, в частности в проекте программного документа Северного тайного общества — в Конституции Н. М. Муравьева — эти идеи нашли свое отражение в ст. 43 гл. IV «О России»⁴. Скорее всего идеи Н. М. Муравьева отражают усовершенствованную систему, существовавшую в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском, о чем свидетельствует польская лексика в наименовании территориальной единицы — повета. Поветы (или повяты — от пол. *powiat*), как административно-территориальная единица носит польско-литовское происхождение, зародившееся в Великом княжестве Литовском, Русском и Жемойтийском, а позже распространившееся на всю унию Польши, Литвы и Западной Руси. До сих пор сохраняется такое наименование, однако обозначает уже среднюю административно-территориальную единицу в Республике Польше.

Конституция Н. М. Муравьева представляет основательно подготовленный текст, соответствующий принципам Северного тайного общества и видению членов общества будущего России. Основой проекта программного документа общества составляют идеи гуманизма, идеи «Эпохи Просвещения» в совокупности и, в частности, принципы естественного права (*ius naturale*). Основным скелетом федерализма, согласно Конституции, формировали «державы», представлявшие собой субъекты Российской федеральной империи. Основой формирования держав служили судоходные водоемы: реки и моря, а и количество представлялось тринадцатью. Ими были Ботническая⁵ (Финская), Волховская, Балтийская, Западная (Польско-Литовская), Днепровская, Черноморская, Кавказская, Украинская, Заволжская, Камская,

⁴ Проект Конституции Н. М. Муравьева // Доступ из СПС «Гарант». URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5400/#sub_para_N_20001 (дата обращения: 20.12.2024).

⁵ В оригинале — Ботническая.

Низовская, Обийская и Ленская державы, Московская и Донская области. Стоит отметить, что федерализм, представленный Н. М. Муравьевым, введенный в действие, с трудом мог бы решить национальный вопрос. Экономический принцип оформления границ, связанный с судоходством, порождает бы искусственные границы, не обусловленные историческими и этнокультурными феноменами, что, несомненно, является недостатком такого типа федерализма. Развитие такого федерализма, очевидно, привело бы к заметным казусам, меньшим по размеру и остроте, однако сходным с проблемами раздела Африки колониальными державами. Народы с общей культурой оказались бы по разным сторонам границ, а совершенно несовместимые народы жили бы в рамках одного субъекта. Такое деление границ может привести к двум деструктивным негативным феноменам: к ослаблению национального самосознания и к усилению взаимных межнациональных претензий. Такого рода идеи не получили широкого распространения вплоть до 1825 г., когда было совершено Декабристское восстание против восхождения на трон Николая I.

Эпоха правления Николая I ознаменовала собой прекращение либерального развития России и возвращение к предыдущим тенденциям. Контрреформы Николая I и преследование тайных обществ привело к угасанию политической жизни аристократов. Ввоз иностранной литературы и издание отечественной был строго ограничен институтом цензуры, который привел к закрытию культурно-политического обмена аристократии с ведущими философами в западных странах — Францией, Нидерландами, Пруссией, Австрией и Великобританией. Более того, Николай I отказался от теории эволюционного федерализма, что также отразилось на понимании федерализма в России его современниками. Тем не менее внутренняя политика императора также не способствовала централизации государства: в частности, были созданы Комитет по делам Царства Польского и Комитет западных губерний, что, по сути, было признанием Санкт-Петербургом особых принципов управления национальными окраинами⁶. В целом решения государства носили половинчатый характер и были продиктованы желанием Николая I подвергнуть забвению идеи декабристов и сохранить status quo: сохранить особый статус территорий национальных меньшинств, не проводя коренных изменений и реформ в принципах государственного устройства империи. Подобные конформистские тенденции затронули и правление Александра III. По сути, важнейший вопрос в Российской империи либо откладывался на задворки политических обсуждений, либо игнорировался в угоду противоположным тенденциям к унификации и централизации государства. Подобное «решение» вопроса шло государству во вред: в лучшем случае от государства шло отсутствие четкого решения проблемы, что ставило крест на всех созидательных мероприятиях, проводимых государством на местах, а в худшем случае Россия насильственно проводила попытку объединения разношерстного населения вокруг доминирующей нации-субъекта, проводила насильственную русификацию регионов и уменьшая значимость местных элит, приводя в негодование этнические меньшинства и формируя последствия для проявлений сепаратизма и национализма. Ярчайшим примером тому может служить ситуация, развернувшаяся на территории новоприсоединенной Польши в 1820-х — 1910-х гг. Российские власти стремились к интеграции польских территорий в Российскую империю⁷, что было весьма противостественным мероприятием, учитывая, что Польша по итогу Венского конгресса не входила в состав Российской империи, а представляло собой независимое государство в реальной

⁶ Лепеш О. В. Комитет западных губерний (1831–1848 гг.) и Западный комитет (1862–1865 гг.) — высшие территориальные комитеты по управлению территорий Беларуси в XIX в. // Юбилейный сборник научных трудов работников кафедры «История, мировая и отечественная культура» Белорусского национального технического университета : к 60-летию кафедры «История, мировая и отечественная культура» / под ред. В. А. Божанова, С. В. Боголейши. Минск : БНТУ, 2016. С. 109–116.

⁷ Андреева Т. В. Трансформация имперской политики в Польше от конституционализма к бюрократической централизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. № 3. С. 721–749.

унии с императорами Российской империи. Таким образом, такого рода интеграция противоречила самой природе реальной унии двух государств⁸. Отсутствие четкого решения центральной власти и неоднократные попытки русификации и кириллизации Польши привели к формированию националистических и коммунистических течений, усугубив отношения между регионом и центром.

Особые условия для создания и распространения федералистского мировоззрения появилось во время правления императора Николая II, когда была создана Государственная дума Российской империи — основное место открытых политических дискуссий. Особый вклад в политическую и юридическую жизнь Российской империи внесли также и Основные государственные законы, введенные в действие в 1906 г. Согласно этим законам, Россия «едино и нераздельно»⁹ (ст. 1), однако уже в следующей статье упоминается особый статус управления в Великом княжестве Финляндском, которое «составляя нераздельную часть Государства Российского, во внутренних своих делах управляется особыми установлениями на основании особого законодательства»¹⁰ (ст. 2). Такая система взаимоотношений, которая сложилась в Финляндией могла бы послужить хорошей основой для федерализации Российской империи, о чем может свидетельствовать относительно низкая тенденция Финляндии к сепаратизму.

Более того, отличной базой для федерализации могли бы служить исторически обусловленные княжества и царства, существовавшие ранее до появления империи и отображавшие в титуле российского императора. Такая схема существенно походила бы на федеративный аналог Германской конфедерации, объединившейся в мощную европейскую державу — Германскую империю. Таким же образом и была создана испанская федерация, ситуация в которой напоминает ситуацию в потенциальной Российской Федерации, где существует феномен многонациональности и многоэтничности государства, однако такой феномен сохраняет доминирующую нацию-ядро, формирующую «несущий» конструкт, не позволяющий государству разъединиться.

В конце 1830-х гг. в России начинает зарождаться идея панславизма — учения об историческом единстве всех славянских народностей, рано или поздно долженствовавших войти в состав Российской империи и сформировать единое славянское государство. В частности, такие тезисы разрабатывались русским историком М. П. Погодиным. Сама такая концепция требовала проработанности и ответа на самый главный вопрос, будет ли Российская империя, как объединитель славян, федерацией. На этот вопрос ни М. П. Погодин, ни его последователи, ни позднейшие теоретики панславянской модели Российской империи ответ не дали. В частности, поэтому Польское освободительное восстание 1863–1864 гг. вызвало бурные споры в рамках Славянского съезда 1867 г. Панславянские идеи занимали особое место во внешней политике Российской империи в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда Россия вынудила Османскую империю сдать свои позиции на Балканском полуострове. Политическим весом обладал панславизм и накануне Первой мировой войны, когда Россия планировала опрокинуть влияние Австро-Венгрии и Германской империи среди западных и южных славян. Вся совокупность такого рода инициатив по разукрупнению Российской империи рано или поздно должна была столкнуться с логичным вопросом о федерализме, становившимся непреодолимым препятствием для теоретиков панславизма в России.

Отдельно хотелось бы рассмотреть поведение государства накануне распада. К началу Первой мировой войны, российская политика имела огромное количество возможностей для предания важнейших общественно-политических вопросов огласке. Особую роль в этом сыграла Первая российская революция. Тем не менее, изучая документы, не приходится сталкиваться с публичным общением по вопросу

⁸ Вернадский Г. В. Государственная уставная грамота Российской империи 1820 г. : Историко-юридический очерк. Прага, 1925.

⁹ Россия. Законы и постановления. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е : [с 1 марта 1881 г.]. СПб. : Гос. тип., 1885–1916. Т. 26 : 1906–1909.

¹⁰ Россия. Законы и постановления.

федерализации, важнейшему вопросу политической обстановки в России начала XX в. Обществу не велось ни в Государственной думе, ни в Государственном совете. Это лишь подчеркивает, что государство стремилось избежать любого политического обсуждения данного вопроса, закрывая глаза на зреющее недовольство властью. Более того, буржуазная власть, пришедшая после низложения Романовых, также провалила это испытание: решение любого важного вопроса Временное правительство откладывала до Всероссийского учредительного собрания. Действительно, оно издало свое постановление о государственном устройстве России от 6 января 1918 г., однако это решение носит фиктивный характер, так как к этому моменту Временное правительство уже было свергнуто, а Всероссийское учредительное собрание в этот день — разогнано.

Ни консервативные, ни либеральные представители российской политической элиты не смогли выиграть схватку со временем. Откладывая решение насущного вопроса, они предопределили распад российского государства и выход большинства национальных территорий из состава Российской империи.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андреева Т. В. Трансформация имперской политики в Польше от конституционализма к бюрократической централизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2020. — Т. 65. — № 3. — С. 721–749.
2. Бондаренко А. Ф. История колоколов России XI–XVII веков. — М. : Русская панорама, 2012. — 464 с.
3. Вернадский Г. В. Государственная уставная грамота Российской империи 1820 г. : Историко-юридический очерк. — Прага, 1925. — 147 с.
4. Лепеш О. В. Комитет западных губерний (1831–1848 гг.) и Западный комитет (1862–1865 гг.) — высшие территориальные комитеты по управлению территориями Беларуси в XIX в. // Юбилейный сборник научных трудов работников кафедры «История, мировая и отечественная культура» Белорусского национального технического университета: к 60-летию кафедры «История, мировая и отечественная культура» / под ред. В. А. Божанова, С. В. Боголейши. — Минск, 2016. — С. 109–116.
5. Трепавлов В. В. «Национальная политика» в многонациональной России XVI–XIX веков // Историческая психология и социология истории. — 2009. — № 1. — С. 60–73.

REFERENCES

1. Andreeva TV. The Transformation of Imperial Politics in Poland from Constitutionalism to Bureaucratic Centralization. Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2020;65(3):721-749. (In Russ.).
2. Bondarenko AF. History of bells of Russia XI–XVII centuries. Moscow: Russkaya panorama; 2012. (In Russ.).
3. Vernadskiy GV. State Charter of the Russian Empire 1820: Historical and Legal Essay. Prague; 1925. (In Russ.).
4. Lepesh OV. The Committee of the Western Provinces (1831–1848) and the Western Committee (1862–1865) — the highest territorial committees for the administration of the territories of Belarus in the 19th century. In: Bozhanov VA, Bogoleyshi SV (eds.). Anniversary collection of scientific works of the Department of History, World and Domestic Culture of the Belarusian National Technical University: to the 60th anniversary of the Department of History, World and Domestic Culture. Minsk; 2016. (In Russ.).
5. Trepavlov VV. «National politics» in multinational Russia of the 16th–19th centuries. Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii. 2009;1:60-73. (In Russ.).

ФОРМИРОВАНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (XVIII в. — СЕРЕДИНА XIX в.)

Бородачев Павел Андреевич,
курсант Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации
111033, Россия, г. Москва, ул. Волочаевская, д. 3
borodach43-04@yandex.ru

© Бородачев П. А., 2024

Аннотация. В статье на основе анализа законодательных актов Российского государства рассматривается историко-правовая проблема формирования независимого суда как отдельной ветви власти в системе государственного аппарата Российской империи и как принципа обеспечения верховенства права при осуществлении правосудия. Период с XVIII в. до первой половины XIX в. стал ключевым в развитии судебной системы России, охватив три значительных этапа, каждый из которых привнес новые процедуры и принципы, способствующие улучшению правосудия. Первый этап (начало XVIII в. — третья четверть XVIII в.) характеризовался началом реформ, направленных на выделение судебных функций в отдельную ветвь власти, что позволило судебной системе стать более независимой от других структур государственной власти. Это выделение стало важным шагом к формированию принципа разделения властей, который был необходим для обеспечения справедливости и законности. Вторым этапом (конец XVIII в. — первая четверть XIX в.) ознаменовался формированием основополагающих принципов образа независимой судебной власти. Судебная система, основанная на принципах законности, выборности и гуманизма, стала неотъемлемой частью государства. На третьем этапе (вторая четверть — середина XIX в.) важным аспектом трансформации стало появление специализированных судов. Эти изменения затрагивали также более широкие аспекты судебной системы, направленные на укрепление ее независимости и эффективности. Исторический путь, пройденный судебной системой Российской империи к независимости в XVIII в. — середине XIX в., заложил основы для дальнейших изменений в правовой системе страны, что в конечном итоге способствовало формированию более гуманной и справедливой судебной власти. Элементы преемственности законодательства нашли свое воплощение в судебной реформе 1864 г.

Ключевые слова: государство; право; законодательство; суд; судебная власть; этапы; независимость судебной власти; принципы судебной системы; Российская империя; Сенат.

THE FORMATION OF THE JUDICIARY INDEPENDENCE IN THE RUSSIAN EMPIRE (18TH CENTURY — MID-19TH CENTURY)

Pavel A. Borodachev,

Cadet, The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russian Federation

borodach43-04@yandex.ru

Abstract. The paper, based on an analysis of the legislative acts of the Russian State, considers the historical and legal problem of the formation of an independent court as a separate branch of government in the system of the state apparatus of the Russian Empire and as the principle of ensuring the rule of law in the administration of justice. The period from the 18th century until the first half of the 19th century became key in the development of the judicial system of Russia, covering three significant stages, each of which introduced new procedures and principles that contribute to the improvement of justice. The first stage (the beginning of the 18th century — the third quarter of the 18th century) was characterized by the reforms aimed at separating judicial functions into a separate branch of government, which allowed the judicial system to become more independent from other elements of state power. This separation was an important step towards the formation of the principle of separation of powers that was necessary to ensure justice and legality. The second stage (the end of the 18th century — the first quarter of the 19th century) was marked by the formation of the fundamental principles of the image of an independent judiciary. The judicial system, based on the principles of legality, electability and humanism, has become an integral part of the State. At the third stage (the second quarter — the middle of the 19th century), an important aspect of the transformation was the emergence of specialized tribunals. Those changes also affected broader aspects of the judicial system aimed at strengthening its independence and effectiveness. The historical path traveled by the judicial system of the Russian Empire to independence in the 18th century — the middle of the 19th century laid the foundations for further changes in the country's legal system, which ultimately contributed to the formation of a more humane and fairer judiciary. Elements of continuity of legislation found their way into the judicial reform of 1864.

Keywords: state; right; legislation; court; the judiciary; stages; independence of the judiciary; principles of the judicial system; Russian Empire; Senate.

Проблему независимости российского суда в XVIII в. — середине XIX в. можно рассмотреть с двух взаимосвязанных позиций: 1) формирование независимости суда как отдельной ветви власти в системе государственного аппарата; 2) формирование независимости суда как принципа обеспечения верховенства права при осуществлении правосудия, гарантии справедливого судебного разбирательства.

На пути российского суда к независимости в XVIII в. — середине XIX в. прослеживается три этапа, разделение которых построено на основе содержания юридических актов, передающих динамику изменения правовых основ и принципов деятельности судебных учреждений, их полномочий.

На первом этапе (начало XVIII в. — третья четверть XVIII в.) в условиях реформы государственного аппарата, учреждения новых центральных органов государственной власти и определения их полномочий, происходило выделение судебных функций как самостоятельных, возлагаемых на орган высшего звена администрации — Правительственный Сенат¹. Учрежденный указом от 22 февраля 1711 г., Сенат получил

¹ Указ «Об учреждении Правительствующего Сената и о бытии при оном разрядному столу вместо Разрядного приказа, и по два комиссара из губернии» от 22 февраля 1711 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 4. № 2321.

полномочия высшей судебной власти, в его структуре появился «разрядный стол», наделенный обязанностью рассматривать судебные дела и выносить решения по спорным вопросам. Дальнейший шаг в деле судебной реформы был сделан указом «О поручении Правительственному Сенату попечения о правосудии» от 2 марта 1711 г. Этот документ не только закреплял за Сенатом контроль над всей судебной системой, но и вменял ему обязанность непосредственно заниматься правосудием. В указе подчеркивалось, что суды должны быть «нелицемерными», а судьи, нарушающие принципы справедливости, должны нести суровое наказание — лишение чести и имущества. Такая же участь ожидала и «ябедников» — людей, занимающихся ложными обвинениями².

На этом же этапе предпринималась *попытка формирования системы судебной власти*: Правительственный Сенат (с 1711 г. — высшая судебная, с 1718 г. — высшая апелляционная инстанция) — Расправная палата как высшая судебная палата при Сенате (до 1719 г.), Юстиц-коллегия (1722–1784 гг.) — «низшие судебные органы в губерниях и приказах», надворные суды как апелляционная инстанция³. Несмотря на то что Петру I не удалось создать регулярный судебный порядок, тем не менее были предприняты начальные меры по отделению судебной власти от административной посредством создания специальных судебных органов — ландрихтеров, которые действовали вне контроля администрации — воевод и губернаторов⁴. В Указе от 22 декабря 1718 г. рассматривалось положительное влияние *принципа коллегиального подхода* в осуществлении управления и суда⁵.

Особое место в формировании правовых основ будущего независимого суда занимал указ «О форме суда» от 5 ноября 1723 г., в котором *суд определялся в качестве единственной формы процесса*, признаваемой государством для разрешения противоречий между сторонами⁶. Следуя этой заявленной тенденции в России создаются независимые от администрации формы судов — Таможенный словесный суд (1727 г.), Торговый словесный суд (1754 г.), которые формировались на выборной основе из

² Указ «О поручении Правительственному Сенату попечения о правосудии, об устройстве государственных доходов, торговли и других отраслей государственного хозяйства» от 2 марта 1711 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 4. № 2330.

³ Указ «О взятии в Расправную Палату на рассмотрение тяжёбных дел по жалобам на неправо решение губернаторов и судей, о побуждении со стороны оной Палаты, чтобы губернаторы и судьи решили дела безволочитно и о присылке месячных ведомостей в Сенат о вершенных делах, начавшихся по доносам фискалов» от 4 сентября 1713 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 5. № 2710 ; «Высочайшая резолюция на доклад Юстиц-Коллегии об устройстве судебных мест по примеру Швеции, о переводе Шведского уложения и об учинении свода Российских узаконений со Шведским» от 9 мая 1718 г. // Полное собрание законов Российской империи. Отделение первое. Т. 5. № 3202 ; Указ «О бытии Поместному приказу и Расправной Палате, под управлением Юстиц-Коллегии и об оставлении в оной прежних дьяков и подьячих» от 28 августа 1718 г. // Полное собрание законов Российской империи. Отделение первое. Т. 5. № 3224.

⁴ Указ «О жалованье разным лицам, об учреждении при губернаторах и вице-губернаторах ландратского совета и о наказании вредителей государственного интереса» от 24 апреля 1713 г. // Полное собрание законов Российской империи. Отделение первое. Т. 5. № 3224 ; *Ефремова Н. Н.* Исторические этапы становления принципа независимости судебной власти в российской империи как базовой ценности правосудия // *Образование и право*. 2021. № 3. С. 235.

⁵ Указ «О неподаче государю прошений о таких делах, которые принадлежат до рассмотрения на то учрежденных правительственных мест, и о нечинении жалоб на Сенат, под смертною казней» от 22 декабря 1718 г. // Полное собрание законов Российской империи. Отделение первое. Т. 5. № 3261.

⁶ Указ «О форме суда» от 5 ноября 1723 г. // Полное собрание законов Российской империи. Отделение первое. Т. 7. № 4344.

представителей торгово-купеческой среды города и при разрешении споров руководствовались специальными юридическими актами⁷.

Второй этап (конец XVIII в. — первая четверть XIX в.) ознаменовался формированием основополагающих принципов образа независимой судебной власти. Центральным юридическим актом выступало «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи»⁸, изданное Екатериной II в 1775 г. В нем были четко прописаны *принципы, на которых основывалась деятельность судебных инстанций*. Одним из главных принципов выступала *законность*. Это означало, что все действия судов должны осуществляться в рамках, установленных государственными законами. Например, в ст. 124 подчеркивалось, что «палаты да не решат иначе, как в силу государственных узаконений», что обеспечивало правовую определенность и защиту от произвола. Существенным аспектом было *сословное представительство и выборность* судебных органов, что снижало влияние административных структур на формирование состава судей. В соответствии со ст. 65, состав Верхнего земского суда формировался из десяти заседателей, которые выбирались дворянством соответствующих уездов. Это нововведение способствовало большей легитимности судебной власти, так как местные жители имели возможность влиять на выбор судей. Статья 66 продолжала эту линию, устанавливая, что «уездный или окружный судья и земской исправник, или капитан выбираются дворянством чрез всякие три года». Такой подход способствовал формированию более независимой судебной системы, основанной на местных интересах.

Гуманизм также занимал важное место в судебной практике того времени. Судьи должны были действовать, опираясь на «человеколюбие и почтение к особе ближнего, яко человеку». В статье 397 говорилось о том, что «Совестный суд вообще судит так, как и все прочие суды по законам», но при этом акцентировалось внимание на необходимости соблюдения гуманистических принципов. Судьи обязаны были отвращаться от угнетения и притеснения, что подчеркивало важность защиты прав личности и справедливости в судебных разбирательствах.

Кроме того, «Устав Благочиния» 1782 г. стал важным шагом к созданию прообраза суда присяжных. В статье 8 указывалось на необходимость назначения судей Словесного суда из числа граждан из «каждой части города»⁹, что позволяло вовлекать общество в процесс правосудия. Это нововведение свидетельствовало о формировании принципа *всесословности* суда и стало основой для дальнейшего развития судебной системы, где участие граждан в судебных разбирательствах стало важным элементом.

Заслуживает внимания проект Всемилоливейшей грамоты, которую предполагалось обнародовать ко дню коронации императора Александра I 15 сентября 1801 г., которая содержала торжественное обещание Государя в том числе относящееся к судебной власти, в частности, применения принципа *презумпции невиновности*. В частности, в грамоте указывалось, что обвиняемый сохраняет свои права до момента вынесения законного приговора. Данная норма стала основополагающей для формирования более справедливой судебной системы, поскольку обеспечивала

⁷ Указ «О разбирательстве купцов меж себя по всем делам, подлежащим до купечества, по прежнему купеческому обыкновению, Таможенным судом» от 1 февраля 1726 г. // Полное собрание законов Российской империи. Отделение первое. Т. 7. № 5145 ; Указ «О взимании пошлин с исковых дел по Уложению, о разбирательстве купцов между собою во всех делах по прежнему Таможенным судом» от 5 октября 1727 г. // Полное собрание законов Российской империи. Отделение первое. Т. 7. № 5177 ; Указ «О бытии Словесному суду между купцами в Москве и прочих городах под ведомством Магистратов и Ратуш...» от 5 мая 1754 г. // Полное собрание законов Российской империи. Отделение первое. Т. 14. № 10.222.

⁸ Учреждение для управления губерний Всероссийской империи от 7 ноября 1775 г. // Полное собрание законов Российской империи. Отделение первое. Т. XX. № 14.392.

⁹ Устав Благочиния (полицейский) от 8 апреля 1782 г. // Полное собрание законов Российской империи. Отделение первое. Т. XXI. № 15.379.

защиту прав человека и предотвращала произвол со стороны властей. Кроме того, грамота устанавливала важные процессуальные гарантии. Например, задержанный, который не был представлен в суд в течение трех дней, имел право требовать своего немедленного освобождения. Это правило сыграло ключевую роль в защите гражданских прав, так как оно ограничивало возможность произвольного задержания и способствовало более быстрому рассмотрению дел. Также подчеркивалось право каждого подсудимого на защитника, что стало важным шагом в сторону обеспечения справедливости в судебных разбирательствах. Не менее важным было положение о том, что никто не может быть повторно привлечен к суду за преступление, за которое он уже был оправдан¹⁰. Хотя многие из этих положений не были реализованы сразу, они войдут в практику суда после его реформы в России в 1864 г.

На третьем этапе (вторая четверть — середина XIX в.) наблюдается значительное изменение в подходе к разрешению споров — начинают появляться отдельные *специализированные суды, профессионально занимающиеся разрешением споров*. Примером может служить выделение отдельного коммерческого суда, в юрисдикцию которого была определена конкретная сфера правовых отношений — коммерческих. В отличие от своих предшественников (Торгового словесного суда, Таможенного словесного суда) он охватывал существенно больший круг общественных противоречий и имел самостоятельную процессуальную базу. Коммерческий суд, как новый институт, охватывал гораздо большее количество общественных противоречий, что позволяло ему эффективно разрешать споры между предпринимателями, торговыми партнерами и другими участниками экономической деятельности. Устав судопроизводства в таких судах детализировал множество аспектов, включая вопросы подсудности, порядок вызова сторон в суд, правила явки, а также процедуры отводов и сбора показаний¹¹. Присутствие администрации в разрешении противоречий, попадавших под юрисдикцию коммерческого суда, сводилось практически к нулю, так как юридические акты исполнительной власти не имели никакой юридической силы для арбитража.

Интересный эксперимент в этой области был проведен в Житомире Волынской губернии, где в 1849 г. по высочайшему указу императора Николая I было решено ликвидировать магистрат города. Все уголовные и гражданские дела, которые ранее рассматривались в этом учреждении, были переданы в юрисдикцию уездного суда. Это решение стало важным шагом к отделению судебной власти от административного контроля, что подчеркивало стремление к созданию более независимой и профессиональной судебной системы¹².

В XVIII в. — середине XIX в. на пути российского суда к независимости властью была сделана попытка оформления суда в отдельную ветвь государственного управления во главе с Сенатом и отделения суда от администрации; заложены правовые основы деятельности независимого суда в части высших органов судебной системы; очерчены принципы деятельности независимого суда; проведены эксперименты организации независимых судов по территориальному и деловому признаку. Однако пройденный путь к независимости суда был неспешным, осторожным, главное препятствие на пути к независимости — абсолютистский характер власти, его реформаторская сдержанность, стремление сохранить за собой полный контроль над судебной системой.

¹⁰ 100-летие Военного министерства. 1802–1902. Главное военно-судное управление и тюремная часть. Исторический очерк. Книга первая. Часть I / гл. ред. Г. А. Скалон. СПб. : Типография тов-ва «Общественная польза», 1902. С. 179.

¹¹ Общее положение об учреждении коммерческих судов в России от 14 мая 1832 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. 7. № 5360.

¹² Высочайше утвержденное положение о преобразовании судебной части в губернском городе Житомире, Волынской губернии от 16 сентября 1849 г. // ПСЗРИ. Т. 24. Отд. 2. № 23503 ; Томсинов В. А. Судебная система Российской империи в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам законодательных актов) // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2016. № 3. С. 8.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ефремова Н. Н. Исторические этапы становления принципа независимости судебной власти в Российской империи как базовой ценности правосудия // Образование и право. — 2021. — № 3. — С. 234–237.
2. Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главное военно-судное управление и тюремная часть. Исторический очерк. Книга первая. Часть I / гл. ред. Г. А. Скалон. — СПб. : Типография тов-ва «Общественная польза», 1902. — 266 с.
3. Томсинов В. А. Судебная система Российской империи в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам законодательных актов) // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2016. — № 3. — С. 3–24.

REFERENCES

1. Efremova NN. Historical stages of the formation of the principle of independence of the judiciary in the russian empire as the basic value of justice. *Education and Law*. 2021;3:234-237. (In Russ.).
2. Skalon GA (ed.). Centenary of the War Ministry. 1802–1902. Main Military Court Administration and Prison Unit. Historical essay. Book one. Part I. St. Petersburg: Obshchestvennaya polza Publishing House; 1902. (In Russ.).
3. Tomsinov VA. The judicial system of the Russian Empire in the 18th — the first half of the 19th century (based on legislative acts). *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*. 2016;3:3-24. (In Russ.).

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС БАНКА РОССИИ

Королев Павел Евгеньевич,
магистрант Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
korolevmultipass@yandex.ru

© Королев П. Е., 2024

Аннотация. В статье с помощью историко-политической и сравнительно-правовой методологии анализируются особенности административно-правового статуса Банка России. Свидетельствовать о создании внутренней организованной банковской системы, связывающей денежно-кредитные и финансовые начала в государстве, возможно лишь тогда, когда наряду с кредитными организациями возникают центральные банки с присущей лишь им национальной спецификой. Полномочия кредиторов последней инстанции в рамках контрольно-надзорной деятельности и их взаимодействие с публичной властью могут варьироваться от страны к стране, но необходимость сочетать в юридическом положении прямое администрирование, экономические инструменты денежно-кредитной политики и элементы частного права прослеживается без всяких сомнений. Исторически выделившись монополией на денежную эмиссию, как и все иные главные банки первого уровня, Банк России отмечается функционалом защиты и обеспечения устойчивости национальной валюты, тяготеющим к государственно-властному. Хронология его административно-правового статуса — поиск консенсуса между положением мегарегулятора финансового рынка и правомочием от своего имени совершать банковские операции и сделки. С имперских времен имея своей задачей упрочение денежно-кредитных отношений, являясь органом управления банковской системой, Банк России как субъект частного права представляется уникальным юридическим лицом, производящим расходы за счет собственных доходов и не преследующим цели получения прибыли. Он владеет, пользуется и распоряжается своим имуществом, являющимся федеральной собственностью. Автор подытоживает, что история развития национальных банков стран мира, пусть и причисленных к различным правовым семьям, демонстрирует наделение отдельных корпораций публичными полномочиями в рамках государственного управления. В целях достижения консенсуса в обществе административное положение эмиссионных банков рождает категорию юридических лиц публичного права.

Ключевые слова: публичное управление; публичные организации; публичные полномочия; публичное право; административно-правовой статус; центральные банки; национальные банки; Банк России; финансовый рынок; мегарегулятор.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF THE BANK OF RUSSIA

Pavel E. Korolev,

Master's Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
korolevmultipass@yandex.ru

Abstract. *The paper employs historical, political and comparative legal methodology to analyze the peculiarities of the administrative and legal status of the Bank of Russia. It is possible to testify about the creation of an internally organized banking system connecting monetary and financial principles in the state only when, along with credit institutions, central banks appear with their own national characteristics. The powers of creditors of last resort in the framework of control and supervisory activities and their interaction with public authorities may vary in different countries, but the need to combine direct administration, economic instruments of monetary policy and elements of private law in a legal context can be unequivocally traced. Having historically developed monopoly on money issuance, like all other major banks of the first level, the Bank of Russia operates as an institution protecting and ensuring the stability of the national currency, gravitating being authorized by the state power. The chronology of the Bank's administrative and legal status involves the search for consensus between the position of a mega-regulator of the financial market and the authority on its own behalf to carry out banking operations and transactions. Since imperial times, with its task of strengthening monetary relations, being a governing body of the banking system, the Bank of Russia as a subject of private law relationships seems to be a unique legal entity that makes expenses at the expense of its own income and does not pursue the goal of making a profit. The Bank of Russia owns, uses and manages its property that is referred to as federal property. The author sums up that the history of the development of national banks in the countries of the world, albeit ranked among various legal families, demonstrates the vesting of individual corporations with public powers within the framework of public administration. In order to achieve consensus in society, the administrative position of issue banks gives rise to the category of legal entities of public law.*

Keywords: *public management; public organizations; public powers; public law; administrative and legal status; central banks; national banks; Bank of Russia; financial market; mega-regulator.*

Банк — кредитная организация, имеющая исключительное право открытия и ведения банковских счетов физических или юридических лиц, привлечения во вклады и размещения их денежных средств на условиях возвратности, платности и срочности¹. Кредитные институты — основа денежного обращения, влияющая на экономику и поведение хозяйствующих субъектов каждодневно. Ключевую же роль в денежно-кредитном аппарате играют центральные банки.

Вряд ли представляется нужным оспаривать наличие у такого публичного правового института, как национальный банк отдельно взятой державы, особого административно-правового положения. Оно ярко переплетается с механизмами государственного управления, где последнее видится переводом управляемой системы из одного состояния в иное с помощью целенаправленного воздействия и в силу закономерностей окружающей среды². Без сомнения, сбалансированная политика мегарегулятора оказывает устойчивое организующее влияние на все звенья бюджетной и банковской системы государства, нормативно упорядочивая

¹ Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

² Старостин С. А. Правовое обеспечение государственного управления и исполнительная власть : учебник для магистров. М. : Проспект, 2021. С. 10.

различные финансовые рынки: фондовый и валютный, денежного обращения и страхования, кредита и драгоценных металлов.

Банк России, несмотря на многовековую историю, по-прежнему выступает субъектом, монополизирующим эмиссию банкнот и монет. Тем не менее его административно-правовой статус определяется целями деятельности и объемом полномочий, резко превышающими организацию обращения средства наличного платежа. Излишне «жесткий» или безосновательно «мягкий» курс Председателя Банка России Э. С. Набиуллиной в сфере ключевой ставки и банковского надзора есть актуальная тема общественной дискуссии.

Двойственность юридического положения, а также широкий функционал мега-регулятора финансового рынка, вопрос независимости и подотчетности — итог законодательных реформ, рождающих научную полемику, которая освещает проблему административно-правового статуса Банка России с различных сторон. Нет единства в юридическом урегулировании состояния кредитора последней инстанции: национальный банк является юридическим лицом, осуществляющим расходы за счет собственных доходов, однако три четверти годовой прибыли он перечисляет в федеральный бюджет. Свои функции и полномочия центральный банк, чей уставный капитал служит федеральной собственностью, осуществляет «независимо от иных органов публичной власти»³.

Нет единства и в научной литературе, посвященной проблеме положения Банка России, граничащего между публичным и частным. Одни исследователи отождествляют главный банк первого уровня с государственным органом власти или государственной корпорацией, созданной для управления всей банковской системой. С другой стороны, аспект имущественных отношений говорит нам об особом юридическом лице, наделенном государственными полномочиями⁴. Не переходя к подробному анализу административно-правового положения Банка России, мы постараемся исследовать вопрос с помощью историко-политической и сравнительно-правовой методологии. Так всегда ли центральный банк нашей державы характеризовался делегированием ему отдельных публично-правовых функций? И какова специфика национальных банков отдельных государств?

Как Банк России на заре своей истории выступал обычной коммерческой кредитной организацией, так и сформировавшиеся в конце XVII в. европейские центральные банки занимались обслуживанием долга правительств собственных стран, не сразу характеризуясь ключевой функцией — эмиссией денег. Она же выступила в качестве монопольной задачи регулятора в позапрошлом столетии, будучи обусловленной финансовыми потребностями государства⁵. Но как только учрежденный высочайшим повелением ключевой эмиссионный центр получил административные властные функции по отношению к коммерческим банкам, одним из которых он сам еще являлся, обнаружилась вся двойственность статуса. Отныне национальный орган управления банковской системой стал вынужден сочетать в себе рыночные и регулирующие, частные и публичные начала, будучи буфером между конкурентной средой и государством. Он призывался обслуживать интересы как финансово-экономической, так и политической властной системы.

В то же время развилась дискуссия о необходимости наличия в экономике кредитора последней инстанции. С одной стороны, борцы за свободу банковской сферы опасались ограничений автономии предпринимательства и того явления, с которым на языке современного административного права побужден бороться механизм «регуляторной гильотины». С другой стороны, денежная школа делала свою ставку на стабильность развития банковской системы, которая напрямую сочеталась с

³ Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

⁴ Мигачев Ю. И., Мигачев А. Ю., Шамрин М. Ю. Административно-правовой статус организаций, наделенных государственными полномочиями : учеб. пособие. М. : Проспект, 2021. С. 52.

⁵ Братко А. Г. Центральный банк в банковской системе России. М. : Спарк, 2001. С. 7.

воздействием на нее национального органа управления и введением операций с частичным резервированием⁶. Довольно скоро дефицитные бюджеты по итогам Первой мировой войны, а также активное вмешательство правительств в экономику, наращивание государственного долга и отмена золотого стандарта привели к иному административно-правовому статусу центральных банков.

Так, в новейшие времена и валютный контроль, и регулирование денежно-кредитной системы начали соединяться в вертикальных структурах управления национальными банками с прогнозированием инфляции и претворением в жизнь правительственных интересов. В литературе можно встретить отождествление мегарегулятора, ответственного за учетную политику и операции на открытом рынке, норму обязательных резервов и воздействие на кредиты, с проводником государственного курса в сфере публично-правового регулирования банковской деятельности⁷.

Рассматривая, в чем будет заключаться ценность двойственного положения главного банка первого уровня для машины управления, вынужденной считаться с экономическим риском, мы говорим о его фактически незримом влиянии на гражданский оборот. Исключая прямые административные методы расширения нормативной базы или государственных заказов, национальный банк соединяет все прерогативы рыночных отношений в денежно-кредитной системе с природой незаменимого уполномоченного распределителя финансовых ресурсов⁸.

Предельно важно, чтобы инструментальный орган управления банковской системой регулировал денежные потоки в интересах физических и юридических лиц. Возникновение кредиторов последней инстанции — это закономерный этап развития страны, которая желает обеспечить организационную упорядоченность банковской системы, прочность денежного обращения и кредита, руководствуясь не только общегосударственными, но и общеванковскими интересами⁹. При этом же защищаются интересы не только профессиональных участников финансовых рынков, правительств или отдельных кредиторов. Административные правовые отношения, субъектом которых, безусловно, являются центральные банки, чаще и чаще возникают между личностью и государством, нацеливаясь на реализацию и охрану прав и свобод человека и гражданина в управленческой сфере¹⁰.

Всякое государство в рамках публично-правового аспекта заинтересует контроль за кредитной организацией и надзор в области финансовых рынков, но проблематику внутреннего устройства органа управления банковской системой правительства решают с учетом своей национальной особенности. Предлагается классифицировать центральные банки по степени независимости принятия ими решений, основываясь на субъективных или же объективных факторах¹¹. Если к первым мы способны относить взаимоотношения между кредитором последней инстанции и правительством, то куда более беспристрастным критерием видится вопрос правового закрепления целей и задач, процедуры назначения руководства национального банка, участия государства в его капитале и реализации прибыли.

⁶ Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Финансово-правовое регулирование банковской деятельности : монография. М. : Проспект, 2020. С. 42.

⁷ Ручкина Г. Ф., Ашмарина Е. М., Гизатуллин Ф. К. Структура и функции Центрального банка Российской Федерации : учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. С. 9.

⁸ Братко А. Г. Указ. соч. С. 13.

⁹ Ефимова Л. Г. Банковское право. М. : Статут, 2010. Т. 1 : Банковская система Российской Федерации. С. 20.

¹⁰ Попов Л. Л. Ренессанс государственного управления // Административная реформа и наука административного права : сборник научных трудов к 80-летию со дня рождения Ю. М. Козлова. М. : МГЮА, 2007. С. 9.

¹¹ Арзуманова Л. Л. Правовой статус центральных банков зарубежных стран и России в регулировании денежной системы: сравнительно-правовое исследование // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 1 (22). С. 52.

Например, эталонный Банк Англии, созданный в 1694 г. в качестве частной акционерной компании, кредитующей Казначейство, значительно позже оказался разделен на эмиссионный и банковский департаменты. Именно тогда проявились и два аспекта административно-правового статуса: передовая капиталистическая экономика требовала умелого распоряжения частными финансовыми ресурсами и целенаправленного воздействия на банковскую систему. Управляющий и члены Совета директоров Банка Англии сегодня назначаются Короной, но поддерживая устойчивость национальной валюты и отвечая за рост благосостояния населения, один из первых центральных банков операционно независим от правительства¹². Сегодня он также является ярким примером мегарегулятора финансовых рынков.

Меньшей же ясностью юридического положения обладает Банк Франции, капитал которого принадлежит государству. С одной же стороны, это публичное учреждение, созданное еще по инициативе Наполеона Бонапарта и реализующее сегодня единую денежную политику Европейского Союза на территории Пятой республики. Но с другой — Госсовет высказывается об индивидуальном статусе Банка Франции, который не вправе получать инструкций от правительства или иных лиц, несмотря на полную национализацию эмиссионного центра к исходу Второй мировой войны¹³. Полномочия в сфере денежного обращения и учетной ставки, операций на открытом рынке и обязательных резервов роднят систему Франции и Российской Федерации, однако банковский надзор Пятой республики возглавлен особым Управлением пруденциального контроля и реструктуризации.

Национальный отпечаток виден в истории Центрального банка Германии, ответственного за валютную унификацию объединенной империи в конце XIX в. Его структура управления характеризовалась частыми изменениями: то широкое влияние на политику Рейхсбанка получали национал-социалисты, то державы-победительницы формировали двухступенчатую систему, где капиталом Банка всех немецких земель владели Банки отдельных земель по аналогии США. После утверждения марки как единственного законного средства платежа единой ФРГ автономный Бундесбанк стал частью системы европейских центральных банков и юридическим лицом публичного права¹⁴. Не осуществляя контроль и надзор, он поддерживает экономическую политику канцлера без ущерба своим задачам.

Зарубежное законодательство редко говорит об организационно-правовых формах кредиторов последней инстанции напрямую, если только они не служат акционерными обществами. Национальный банк Швейцарии есть юридическое лицо частного права, функционирующее под наблюдением Конфедерации и не имеющее устава, а также не осуществляющее банковский надзор. Тем не менее приоритеты нормативного урегулирования в подобных случаях остаются не за гражданским, а за специальным публичным банковским законодательством. Так, применение цивилистических положений допускается лишь в виде дополнения к закону «О Национальном банке Бельгии» или при отсутствии соответствующих публичных норм в случае с Центральным банком Республики Турция¹⁵.

Отдельный интерес может представлять законодательство США, согласно которому территория государства разделена на округа (от восьми до двенадцати), каждый из которых возглавлен федеральным резервным городом с одноименным банком. Национальный банк в штате становится членом Федеральной резервной системы

¹² Ефимова Л. Г. Зарубежное банковское право (банковское право Европейского Союза, Франции, Швейцарии, Германии, США, КНР, Великобритании) : монография. М. : Проспект, 2016. С. 122.

¹³ Столяренко В. М. Центральный банк в системе органов государственной власти Российской Федерации и зарубежных государств. М. : ОКТБ, 1999. С. 12.

¹⁴ Баренбойм П. Д., Лафитский В. И. Очерки конституционной экономики: статус Банка России. М. : Юстицинформ, 2001. С. 137.

¹⁵ Мигачев Ю. И., Мигачев А. Ю., Шамрин М. Ю. Административно-правовой статус организаций, наделенных государственными полномочиями : учеб. пособие. М. : Проспект, 2021. С. 31.

США, оплатив акции Федерального резервного банка округа¹⁶. Система курируется Советом управляющих — федерального агентства, не извлекающего из ценных бумаг прибыли и реализующего публичные функции как независимый администрирующий орган, финансируемый за счет операций на открытом рынке.

Нельзя не упомянуть и о Европейском центральном банке — автономном от всяких национальных должностей юридическом лице международного права. Его руководящие органы составляют представители управлений центральными банками государств, чья денежная единица — евро. ЕЦБ призывается развивать платежеспособность последней, с одной стороны, санкционируя выпуск банкнот и монет еврозоны, с другой стороны, изымая финансовый ресурс из обращения. Таким образом, администрирование возможно и на наднациональном уровне.

В 1860 г. Высочайшим Указом Правительствующему Сенату Александр II заложил статус Государственного банка в ведении Министерства финансов путем упразднения Заемного банка и переустройства Коммерческого банка. Уставом же именовалась цель его деятельности: оживление торговых оборотов и упрочение денежной кредитной системы¹⁷. Среди дозволенных операций назывались учет векселей, прием вкладов, производство ссуд, покупка и продажа золота и серебра.

Наделение Госбанка монопольным правом эмиссии, обязанностью поддержания золотого обеспечения рубля как национальной денежной единицы произошло в конце XIX в. и было связано с укреплением финансовой системы С. Ю. Витте¹⁸.

В результате Красного Октября вводилась государственная монополия на банковское дело: функцией Народного банка РСФСР до слияния с Центральным бюджетно-расчетным управлением Наркомата финансов виделось кредитование национализированных и частных предприятий. Государственный банк СССР был воссоздан лишь во имя новой экономической политики в качестве публичного кредитного института, в основе которого сразу же проявилась двойственность административно-правовой природы¹⁹. С одной стороны, он стал учреждением Наркомата финансов СССР, утверждавшего правила операций Государственного банка и руководящие указания в сфере банковской деятельности. С другой, мы говорим о предприятии с хозяйственным расчетом, а также независимой от казны юридической личностью. Со временем назначением Государственного банка с монополией на выпуск банковских билетов стало влияние на денежное обращение и краткосрочное кредитование промышленности, торговли и иных отраслей²⁰.

Новый виток отечественной истории отмечился принятием Федерального закона от 02.12.1990 № 394-1, многие нормы которого усматриваются в современных актах²¹. Уже тогда Банк России объявлялся юридическим лицом, по обязательствам которого государство не несло ответственности, однако именно эмиссионный банк призывался законодателем к формированию экономической политики совместно с кабинетом министров, а также осуществлению надзора первоначально лишь за деятельностью кредитных организаций.

В годы сосуществования с Государственным банком СССР и зарождения банковской системы переходного периода Банк России, вначале имевший Устав, учреждался в качестве главного банка РСФСР и юридического лица с уставным капиталом в три

¹⁶ Ефимова Л. Г. Зарубежное банковское право. С. 111.

¹⁷ Свод уставов Г. банка и контор его, указов и инструкций об устройстве, делопроизводстве и отчетности контор и отделений Государственного банка. СПб. : Типография Министерства путей сообщения, 1872. С. 9.

¹⁸ Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Публично-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации : монография. М. : Юрайт, 2017. С. 172.

¹⁹ Агарков М. М. Основы банковского права: лекции. Учение о ценных бумагах: научное исследование. 3-е изд. М. : Волтерс Клувер, 2007. С. 25.

²⁰ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. Отдел первый. № 1–39. М. : Типография при Управлении делами СНК СССР и СТО, 1929. С. 715.

²¹ Федеральный закон от 02.12.1990 № 394-1 «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (утратил силу) // СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1593.

миллиарда рублей²². С одной стороны, он сразу же наделялся обособленным имуществом и возможностью от своего имени приобретать права и нести обязанности. С другой стороны, полномочие по изданию обязательных к исполнению нормативных актов, например, по вопросам денежного обращения и расчетов, реформировало известную гражданскому праву терминологию.

Так, внутренне организованная банковская система, связующая денежно-кредитные и финансовые начала, определяется созданием наряду с кредитными институтами управленческих центральных банков с национальной спецификой.

Последняя может накладывать определенные частноправовые ограничения на автономию деятельности кредитора последней инстанции, но ни в одной стране мира не будет признаваться приоритет гражданской нормы перед специальным законодательством²³. На сегодняшний день большинство главных банков первого уровня олицетворяет применение доктрины юридических лиц публичного права, складывающихся исторически, но нормативно урегулированных законодателем. Хронология показала: государство, как публичная корпорация, представляющая общественные интересы, заинтересована в равновесном делегировании особых функций субъекту, сохранившему в своей структуре черты частной организации.

Публичное право необязательно противостоит частным интересам, однако требует консенсуса²⁴. Вышеизложенное приводит к выводу о наличии специфики в административно-правовом статусе Банка России — организации, наделенной отдельными государственными и иными публичными полномочиями. Историко-политический и сравнительно-правовой анализ демонстрируют, что структура и степень независимости национальных банков держав зависят как от социально-экономического развития обществ, так и от административно-территориального устройства. Полномочия центральных банков и их взаимодействие с публичной властью могут варьироваться от страны к стране, но необходимость сочетать в юридическом положении прямое администрирование, косвенные экономические инструменты и элементы частного права прослеживается без всяких сомнений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Агарков М. М.* Основы банковского права: лекции. Учение о ценных бумагах: научное исследование. — 3-е изд. — М. : Волтерс Клувер, 2007. — 336 с.
2. *Арзуманова Л. Л.* Правовой статус центральных банков зарубежных стран и России в регулировании денежной системы: сравнительно-правовое исследование // Актуальные проблемы российского права. — 2012. — № 1 (22). — С. 50–66.
3. *Баренбойм П. Д., Лафитский В. И.* Очерки конституционной экономики: статус Банка России. — М. : Юстицинформ, 2001. — 192 с.
4. *Баренбойм П. Д., Лафитский В. И., Терещенко Л. К.* Юридические лица публичного права в доктрине и практике России и зарубежных стран / под ред. В. П. Мозолина, А. В. Турбанова. — М. : Юстицинформ, 2011. — 184 с.
5. *Братко А. Г.* Центральный банк в банковской системе России. — М. : Спарк, 2001. — 335 с.
6. *Ефимова Л. Г.* Банковское право. — Т. 1 : Банковская система Российской Федерации. — М. : Статут, 2010. — 404 с.

²² Постановление Президиума ВС РСФСР от 24.06.1991 № 1483-1 «Об утверждении Устава Центрального банка (Банка России)» (утратило силу) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1012.

²³ *Баренбойм П. Д., Лафитский В. И., Терещенко Л. К.* Юридические лица публичного права в доктрине и практике России и зарубежных стран / под ред. В. П. Мозолина, А. В. Турбанова. М. : Юстицинформ, 2011. С. 48.

²⁴ *Исаев И. А.* К виртуальным истокам публичного права // Lex russica. 2021. Т. 74. № 4. С. 21.

7. Ефимова Л. Г. Зарубежное банковское право (банковское право Европейского Союза, Франции, Швейцарии, Германии, США, КНР, Великобритании) : монография. — М. : Проспект, 2016. — 656 с.
8. Исаев И. А. К виртуальным истокам публичного права // *Lex russica*. — 2021. — Т. 74. — № 4. — С. 9–22.
9. Мигачев Ю. И., Мигачев А. Ю., Шамрин М. Ю. Административно-правовой статус организаций, наделенных государственными полномочиями : учеб. пособие. — М. : Проспект, 2021. — 128 с.
10. Попов Л. Л. Ренессанс государственного управления // Административная реформа и наука административного права : сборник научных трудов к 80-летию со дня рождения Ю. М. Козлова. — М. : МГЮА, 2007. — 568 с.
11. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Публично-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации : монография. — М. : Юрайт, 2017. — 438 с.
12. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Финансово-правовое регулирование банковской деятельности : монография. — М. : Проспект, 2020. — 336 с.
13. Ручкина Г. Ф., Ашмарина Е. М., Гизатуллин Ф. К. Структура и функции Центрального банка Российской Федерации : учеб. пособие. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2024. — 175 с.
14. Старостин С. А. Правовое обеспечение государственного управления и исполнительная власть : учебник для магистров. — М. : Проспект, 2021. — 335 с.
15. Столяренко В. М. Центральный банк в системе органов государственной власти Российской Федерации и зарубежных государств. — М. : ОКТБ, 1999. — 64 с.

REFERENCES

1. Agarkov MM. Fundamentals of banking law: Lectures. Securities Doctrine: Academic Research. 3rd ed. Moscow: Volters Kluver; 2007. (In Russ.).
2. Arzumanova LL. The legal status of central banks of foreign countries and Russia in the regulation of the monetary system: a comparative legal study. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2012;1(22):50-66. (In Russ.).
3. Barenboym PD, Lafitskiy BI. Essays on the constitutional economy: the status of the Bank of Russia. Moscow: Yustitsinform Publ.; 2001. (In Russ.).
4. Barenboym PD, Lafitskiy BI, Tereshchenko LK, Mozolin VP, Turbanov AB (eds.). Legal entities of public law in the doctrine and practice of Russia and foreign countries Moscow: Yustitsinform Publ.; 2011. (In Russ.).
5. Bratko AG. Central Bank in the Banking System of Russia. Moscow: Spark Publ.; 2001. (In Russ.).
6. Efimova LG. Banking Law. Vol. 1. The banking System of the Russian Federation. Moscow: Statut Publ.; 2010. (In Russ.).
7. Efimova LG. Foreign banking law (Banking Law of the European Union, France, Switzerland, Germany, USA, PRC, UK). Moscow: Prospekt publ.; 2016. (In Russ.).
8. Isaev IA. To the virtual origins of public law. *Lex russica*. 2021;74(4):9-22. (In Russ.).
9. Migachev Yul, Migachev Ayu, Shamrin My. Administrative and legal status of organizations vested with state powers. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).
10. Popov LL. Public administration renaissance. Administrative reform and the science of administrative law: a collection of scientific works on the 80th anniversary of the birth of Yu. M. Kozlov. Moscow: MSAL Publ.; 2007. (In Russ.).
11. Rozhdestvenskaya TE, Guznov AG. Public regulation of the financial market in the Russian Federation. Moscow; Yurait Publ.; 2017. (In Russ.).
12. Rozhdestvenskaya TE, Guznov AG. Financial and legal regulation of banking activities. Moscow: Prospekt Publ.; 2020. (In Russ.).
13. Ruchkina GF, Ashmarina EM, Guzatullin FK. Structure and functions of the Central Bank of the Russian Federation. 4th ed. Moscow: Yurait Publ.; 2024. (In Russ.).
14. Starostin SA. Legal support of public administration and executive power. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).
15. Stolyarenko VM. The Central Bank in the system of state authorities of the Russian Federation and foreign countries. Moscow: OKTB Publ.; 1999. (In Russ.).

ДВУХКОНТУРНАЯ ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ МОДЕЛЬ КНР

Тимошук Алексей Станиславович,
профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Владимирского юридического института ФСИН России, доктор философских наук,
доцент
600020, Россия, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67е
timoshchuk_as@33.fsin.gov.ru

© Тимошук А. С., 2024

Аннотация. Китай привлекает к себе внимание не только своими производственными мощностями и социотехническими решениями, но и самобытным целеполаганием. В КНР партия взяла ответственность за построение среднезажиточного социалистического общества, за созидание нового мирового порядка. Модернизация в китайском стиле — это всестороннее углубление реформ с помощью системной интеграции самых разнонаправленных принципов. В КНР любят объединять самые разные целеполагания, называя их «пять в одном», «четыре комплексные меры» и т.п. Китайские идеологи исходят из того, что только эмансипация разума и продвижение новых идей могут способствовать лучшей адаптации производственных отношений и производительности труда, тюнингу национального управления и социального развития. Прогресс, постоянные реформы, открытость, наследие Мао Цзэдуна и идеи Дэн Сяопина — как сочетаются эти столь разнонаправленные концепты в китайской идеологии? В статье рассматривается реализация этой даосско-конфуцианско-марксистской диалектики на примере уголовно-исполнительной системы КНР. Цель статьи: изучить особенности воспитательной работы с осужденными в китайской пенитенциарной системе. Методология исследования опирается на международно-правовой анализ регулирования прав и свобод лиц, отбывающих наказание, на медиааналитику саморепрезентаций пенитенциарных учреждений Китая. Вызовы и практики оптимизации опыта пенитенциарных служб по организации воспитательной, социальной и патриотической работы с сотрудниками рассматриваются с ознакомительной целью, ведь вероятно, что Китай выступит новой моделью устойчивости в сложившейся геополитической обстановке.

Ключевые слова: Китай; КНР; пенитенциарная система; Ляогай; трудовые лагеря; административный арест; международный опыт.

DUAL-CIRCUIT PENITENTIARY MODEL OF THE PRC

Aleksey S. Timoshchuk,

Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russian Federation

timoshchuk_as@33.fsin.gov.ru

Abstract. China attracts attention not only because of its production facilities and sociotechnical solutions, but also due to its original goal-setting. In the PRC, the party took responsibility for building a moderately prosperous socialist society, for creating a new world order. Chinese-style modernization is the comprehensive deepening of reforms through the systemic integration of the most multidirectional principles. In the PRC, they like to combine a variety of goal-setting, calling them «five in one,» «four comprehensive measures,» etc. Chinese ideologists proceed from the fact that only the emancipation of the mind and the promotion of new ideas can contribute to better adaptation of industrial relations and labor productivity, development of national management and social development. Progress, constant reforms, openness, the legacy of Mao Zedong and the ideas of Deng Xiaoping — how do these so multidirectional concepts combine in Chinese ideology? The paper examines the implementation of this Taoist-Confucian-Marxist dialectic using the example of the penal system of the PRC. The purpose of the article: to study the features of educational work with convicts in the Chinese penitentiary system. The research methodology relies on international legal analysis of the regulation of the rights and freedoms of persons serving sentences, on media analytics of self-representations of Chinese penitentiary institutions. The study examines the challenges and practices of optimizing the experience of the penitentiary services in organizing educational, social and patriotic work with employees for informational purposes, because it is likely that China will act as a new model of stability in the current geopolitical situation.

Keywords: China; PRC; the prison system; Liaogai; labor camps; administrative arrest; international experience.

В уголовно-исполнительной системе Китая содержатся, согласно открытым источникам, около 1,7 млн. Кроме того, сотни тысяч находятся в следственных изоляторах и, по разным оценкам, от 300 тыс. до 1 млн в лагерях перевоспитания. Существенно, что для описания системы перевоспитания в Китае приходится обращаться к социальному воображению и реконструкции в силу закрытости информации. Официальная программа «Преобразование через труд» (Лаогай) представляет собой трудовые лагеря, которых насчитывается несколько тысяч по всей стране. Осужденные, отбывающие наказание по системе Лаогай, обычно ранее были официально приговорены судом в соответствии с китайским законодательством. Необходимо учитывать, что судебная система Китая зависит от Коммунистической партии Китая, поэтому, помимо уголовных преступников, среди заключенных лагеря также есть профсоюзные деятели, борцы за гражданские права, диссиденты, представители этнических и религиозных меньшинств (уйгуры, тибетцы, члены христианских общин, не признанных государством, практикующие Фалуьнгун)¹.

В принципе, собрать точную информацию об условиях содержания в лагерях Лаогай очень сложно. Это также относится и к аспекту реформы мышления. Первоначально высокоидеологизированная Коммунистическая партия Китая, особенно под руководством председателя Коммунистической партии Мао, пыталась прочно

¹ Zenz A. Innovating penal labor: Reeducation, forced labor, and coercive social integration in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region // The China Journal. 2023. URL: <https://doi.org/10.1086/725494> (дата обращения: 20.12.2024).

укоренить маоизм в сознании китайцев. Таким образом, предполагаемые «контрреволюционеры» (категория, которая интерпретировалась крайне расплывчато) должны были быть превращены в убежденных маоистов в принудительных трудовых лагерях с использованием пыток и массового «промывания мозгов». Сегодня государство стало гораздо менее требовательно к контролю над сознанием своих граждан. Как правило, оно не вмешивается до тех пор, пока люди или группы людей публично ведут себя аполитично, не критикуют Коммунистическую партию и ее политику и полностью признают краеугольные камни Народной Республики, в частности верховенство Коммунистической партии и единую политику Китая. Соответственно, сегодняшними субъектами реформы мышления в первую очередь являются представители этнических и непризнанных государством религиозных меньшинств и люди, которые с помощью петиций привлекают внимание властей к своей судьбе, к практикам отказа от своей веры и взглядов с помощью подписанных признаний, водворения в одиночные камеры и т.п. То же самое относится к людям, которые выступают за независимые от государства профсоюзы и права трудящихся, к критически настроенным журналистам, блогерам и другим людям, которые вступают в конфликт с партийными чиновниками или партийными интересами².

В дополнение к двум основным функциям, выполняемым лагерями Лаогай, а именно обеспечение монополии власти КПК и наказание реальных преступников, система принудительных трудовых лагерей также служит экономическим фактором для китайского государства.

Почти при всех трудовых лагерях Лаогай имеется коммерчески ориентированное предприятие, которое реализует продукцию, произведенную подневольными работниками, как на внутреннем рынке, так и на экспортном рынке. Наименование товаров и валовый объем невелик, учитывая, что ВВП Китая превысил 17 трлн долл. США. Это могут быть сахар, керамические изделия, бытовая техника, — незначительный объем наименований для экономики Китая. Однако в прошлом значение исправительно-трудовых лагерей Лаогай для экономики Китая было намного выше, когда миллионы подневольных рабочих строили крупные инфраструктурные объекты, собирали на плантациях чай, выпускали строительные материалы.

Истоки и концепция китайского Лаогай восходят к советскому ГУЛАГу. После прихода к власти китайских коммунистов в начале 1950-х гг. произошло сильное сближение между крупнейшими на тот момент коммунистическими государствами мира — Китайской Народной Республикой и Советским Союзом. В 1950 г. оба государства подписали соглашение об обороне, которое среди прочего предусматривало, что Советский Союз будет оказывать Китаю поддержку и помощь в системе правосудия. Это сотрудничество в конечном итоге привело к возникновению китайской системы трудовых лагерей Лаогай. В начале 1950-х гг. Коммунистическая партия Китая под руководством Мао создала по всему Китаю трудовые лагеря, где оказались диссиденты, предполагаемые оппоненты и скептики³.

Система Лаогай была призвана подавлять любое инакомыслие как со стороны реальных оппозиционеров, так и со стороны потенциальных противников режима, так называемых «классовых врагов» и «контрреволюционеров». В то же время трудовые лагеря также дали режиму возможность рассчитывать на миллионы неоплачиваемых подневольных рабочих. В число узников входили как крупные землевладельцы и богатые бизнесмены, так и бедные китайцы, скептически настроенные по отношению к КПК. После первых волн чисток, инициированных Мао, таких как «Кампания против правых», трудовые лагеря Лаогай также наполнились многочисленными членами Коммунистической партии, дискредитированными как «девианты».

² Bejesky R. Falun Gong & (and) Re-Education through Labor: Traditional Rehabilitation for the Misdirected to Protect Societal Stability within China's Evolving Criminal Justice // Columbia Journal of Asian Law. 2004. Vol. 17. No. 2. URL: <https://doi.org/10.7916/cjal.v17i2.3223> (дата обращения: 20.12.2024).

³ Реент Ю. А. Система уголовных наказаний Китая в начале XXI века: взгляд со стороны // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3 (82). С. 175–179.

Начиная с 1950-х гг. миллионы подневольных рабочих из лагерей Лаогай использовались для строительства инфраструктуры, таких как плотины, шахты и каналы. С тех пор как Китай начал проводить экономические реформы под руководством Дэн Сяопина в 1978 г., в лагерной системе Китайской Народной Республики также произошли изменения. Термин «Лаогай» был исключен из официального употребления в 1994 г. и заменен более нейтральной фразой «Цзяньюй» («тюрьма»). Однако и слово «Лаогай», и другие анахроничные термины продолжают неофициально использоваться в Китае. Несмотря на огромный экономический прогресс, серьезные нарушения международных стандартов в области прав человека продолжают. По сути, правовая система по-прежнему основана на законах, которые обеспечивают КПК ведущую и привилегированную роль.

Лаогай переводится как «перевоспитание через труд» и формально не входило в уголовно-исполнительную систему КНР. В китайских лагерях перевоспитания заключенные содержались под «административным арестом» («синчжэн чуфа»). В таких случаях жертвы могли быть заключены в тюрьму без необходимости вынесения приговора обычным судом. Вместо этого содержание под стражей в трудовом лагере было назначено непосредственно полицией — без предъявления обвинений, без суда, без возможности обжалования. Многие заключенные считали «бремя доказывания» крайне расплывчатым. Максимальная продолжительность одной «меры перевоспитания» обычно составляла три года, но могла быть произвольно продлена или сокращена еще на год. К настоящему моменту все заключенные трудовых лагерей в Китае должны были быть официально осуждены судом.

Содержание в трудовых лагерях — мера не только против диссидентов. Среди заключенных находятся также профсоюзные деятели, люди, подавшие петиции, этнические «сепаратисты» и сторонники непризнанных государством религиозных общин, наркоманы на реабилитации. Помимо административных арестов применяются и иные способы воздействия, например, публичное покаяние коррупционеров, черный пиар в СМИ и другие подобные формы реализации «малой культурной революции»⁴.

Поскольку заключенные Лаогай не были объявлены осужденными преступниками, статистически они не числились заключенными в КНР. Соответственно, по мнению китайского правительства, их права не защищены международными договорами, такими как Международный пакт о гражданских и политических правах или Минимальные стандартные правила обращения с заключенными.

Теоретически административный арест должен применяться к правонарушителям, совершившим «незначительные» преступления, такие как воровство, употребление наркотиков или проституция. Помимо того факта, что тюремное заключение на срок от трех до четырех лет явно не подходит для «незначительных» преступлений, принцип административного задержания, при котором нет обвинения, защиты, суда или апелляции, нарушает международные правовые стандарты и международно-обязательное международное право. В нынешней юридической практике для заключенных Лаогай практически ничего не изменилось. Даже если сейчас есть (или должно быть) официальное обвинение и суд, обвиняемые часто не имеют возможности защитить себя и подать апелляцию, и приговор им может не выноситься⁵.

Таким образом, Лаогай — это второй контур пенитенциарной системы Китая. Это чем-то похоже на двухконтурную систему хождения юаня — внутри страны и вовне. Финансы и пенитенциарные учреждения — разные системы, но сам метод двойного управления имеет свои аналогии.

Неформальные центры содержания под стражей помогают контролировать тех, кто находится в оппозиции к КПК, в частности, «жалобщиков» или тех, что подает

⁴ Просеков С. А. Особенности борьбы с антиобщественными явлениями в Китае // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. Т. 8. № 2 (32). С. 93–94.

⁵ Cai D. Introduction to the Administrative Penalty Law of China // Columbia Journal of Asian Law. 1996. № 10 (1). URL: <https://doi.org/10.7916/cjal.v10i1.3150> (дата обращения: 20.12.2024).

жалобу на местных политиков, собирает подписи под петициями. С момента основания Китайской Народной Республики право на подачу петиций было закреплено в конституции Китая, а в политических центрах были созданы официальные петиционные бюро. Кроме того, в прошлом политики неоднократно призывали граждан осуждать ошибки властей, особенно на местном уровне, по созданным формальным каналам. Однако после того, как в последние годы число петиционеров резко возросло, КПК применяет к подобным «сутяжникам», возможно действующим под влиянием западных спецслужб, практики водворения в Лаогай. В КНР такие неофициальные пенитенциарные центры еще называют в терминах социалистического лексикона «уроки права»⁶.

Теоретически административное задержание используется для наказания за «незначительные преступления», такие как воровство, употребление наркотиков или проституция. Административное задержание применяется и в отношении оппозиции и в России (задержания, штрафы), т.к. это более оперативная мера воздействия. В КНР пострадавшие могут быть заключены в тюрьму без подтверждения этой меры судом. Вместо этого наказание назначается непосредственно органом полиции, и во многих случаях бремя доказывания считается крайне расплывчатым. Теоретически члены семьи или работодатели также могут дать рекомендации полиции об аресте их родственников или сотрудников, которые затем будут выполнены в случае необходимости. Максимальный срок наказания обычно составляет три года, но может быть продлен еще на год.

27 декабря 2013 г. Президиум Народного конгресса, состоящий из 164 членов, признал «недействительной» практику «трудового перевоспитания», основанного на административном задержании. В целом же изменилась лишь терминология, используемая КПК. При этом практика содержания в трудовых лагерях остается неизменной.

Интерес России к Китаю вполне закономерен. Он привлекает и как древняя цивилизация, и как глобальный цех, и как территория высоких технологий, и как успешный организатор социальных процессов. Ведь большое население — это не только благо, но и ответственность, большая работа. Китай смог организовать свое обширное население, создать эффективные инструменты управления.

Пенитенциарная система КНР, один из внутренних контуров безопасности, основана на труде и воспитании. Эти же принципы пронизывают и парапенитенциарную систему или систему административного привлечения к труду. К контурам безопасности добавились в последнее время цифровизация социальных рейтингов, вовлечение предпринимателей в организацию рабочих мест осужденных, а также ежегодное повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов⁷.

Патриотическое воспитание сотрудников пенитенциарной службы Китая основано на выступлениях генерального секретаря КПК Си Цзиньпина во время коллективной учебы Политбюро ЦК КПК, а также на разработках партийной группы Министерства образования Китая. Общая идея патриотического воспитания заключается в ускорении строительства сильной и образованной страны для обеспечения мощной поддержки великого омоложения китайской нации. При этом Китае не стесняются применения жестких мер по отношению к СМИ, блогерам, лидерам общественного мнения, которые распространяют «чуждые ценности». Они могут уйти из профессии за один день, если не следуют политике КПК. Во всех партийных документах подчеркивается усиление глобального противостояния и требование наращивания идеологической работы. Изучая стратегические документы из Китая, как будто погружаешься в советское партийное строительство конца 80-х, при этом понимаешь, что Китай уроки марксизма об империалистической борьбе усвоил и не подверг

⁶ Wu H. The need to restrain China // Journal of International Affairs. 1996. Vol. 49. No. 2. Contemporary China: The Consequences of Change. P. 358–360.

⁷ Тимофеева Е. А. Особенности функционирования пенитенциарной системы Китайской Народной Республики на современном этапе // Вестник Самарского юридического института. 2016. С. 75–81.

дискредитации значение коммунистической партии. Учитывая, что современность носит эмерджентный и комплексный характер, Китай подходит к патриотизму нестандартно, сохраняя при этом высокую ценность ратного и трудового подвига ради родины.

Интеграция с местными общинами в целях поддержки исправительных учреждений способствует созданию стандарта «перспективного сотрудника исправительного учреждения». Команда добровольцев оказывает также социальную помощь для осужденных, отбывающих наказание без лишения свободы. Профессионалы в области психологии, права, медицины, образования и других дисциплин, а также просто общественные волонтеры без особой квалификации, объединились, чтобы оказать помощь в социальной реабилитации, что является важной социально-патриотической поддержкой для людей в трудной жизненной ситуации. Таким образом, ожидается, что партийная организация должна хорошо проводить идеологическую работу среди осужденных и это полностью мобилизует трудовой энтузиазм оступившихся. Деонтология труда и правильных лозунгов, по убеждению китайских функционеров, играют роль бастиона организации пропаганды. Средства массовой информации должны придерживаться правильного направления общественного мнения и создавать хорошую социальную атмосферу. Китайская «Правда» в виде «Жэньминь жибао» («Народная газета») сумела сохранить роль кормчего в информационном хаосе современности. Газета обладает статусом самой влиятельной и авторитетной в Китае. Она определяет повестку всех остальных пропагандистов и лидеров мнений. Китайская пенитенциарная система, таким образом, выступает частью обширного идеологического и пропагандистского аппарата, где сотрудники должны постоянно повышать научный уровень образования и управления тюрьмами.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Просеков С. А.* Особенности борьбы с антиобщественными явлениями в Китае // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2018. — Т. 8. — № 2 (32). — С. 93–94.
2. *Реент Ю. А.* Система уголовных наказаний Китая в начале XXI века: взгляд со стороны // Человек: преступление и наказание. — 2013. — № 3 (82). — С. 175–179.
3. *Тимофеева Е. А.* Особенности функционирования пенитенциарной системы Китайской Народной Республики на современном этапе // Вестник Самарского юридического института. — 2016. — № 3 (21). — С. 75–81.
4. *Bejesky R.* Falun Gong & (and) Re-Education through Labor: Traditional Rehabilitation for the Misdirected to Protect Societal Stability within China's Evolving Criminal Justice // Columbia Journal of Asian Law. — 2004. — Vol. 17. — No. 2. — URL: <https://doi.org/10.7916/cjal.v17i2.3223> (дата обращения: 20.12.2024).
5. *Cai D.* Introduction to the Administrative Penalty Law of China // Columbia Journal of Asian Law. — 1996. — № 10 (1). — URL: <https://doi.org/10.7916/cjal.v10i1.3150> (дата обращения: 20.12.2024).
6. *Wu H.* The need to restrain China // Journal of International Affairs. — 1996. — Vol. 49. — No. 2. Contemporary China: The Consequences of Change (Winter 1996). — P. 355–360.
7. *Zenz A.* Innovating penal labor: Reeducation, forced labor, and coercive social integration in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region // The China Journal. — 2023. — URL: <https://doi.org/10.1086/725494> (дата обращения: 20.12.2024).

REFERENCES

1. Prosekov SA. Features of the fight against antisocial phenomena in China. *Humanities. Bulletin of the University of Finance*. 2018;8-2(32):93-94. (In Russ.).
2. Reent YuA. The criminal punishment system of China at the beginning of the 21st century: a view from the side. *A Man: Crime and Punishment*. 2013;3(82):175-179. (In Russ.).
3. Timofeeva EA. Features of the functioning of the penitentiary system of the People's Republic of China at the present stage. *Bulletin of the Samara Law Institute*. 2016;3(21):75-81.
4. Bejesky R. Falun Gong & (and) Re-Education through Labor: Traditional Rehabilitation for the Misdirected to Protect Societal Stability within China's Evolving Criminal Justice. *Columbia Journal of Asian Law*. 2004;17:2. Available: <https://doi.org/10.7916/cjal.v17i2.3223> [Accessed 20.12.2024]. (In Russ.).
5. Cai D. Introduction to the Administrative Penalty Law of China. *Columbia Journal of Asian Law*. 1996;10(1). Available at: <https://doi.org/10.7916/cjal.v10i1.3150> [Accessed 20.12.2024].
6. Wu H. The need to restrain China. *Journal of International Affairs*. 1996;49(2):355-360. Contemporary China: The Consequences of Change (Winter 1996).
7. Zenz A. Innovating penal labor: Reeducation, forced labor, and coercive social integration in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region. *The China Journal*. 2023. DOI: 10.1086/725494.

DOI: 10.17803/2542-2472.2024.32.4.052-063

ТЕОРИИ ГЛОБАЛЬНОГО МИРОУСТРОЙСТВА: ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Гришина Татьяна Михайловна,
преподаватель кафедры истории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
pravo_17@mail.ru

© Гришина Т. М., 2024

Аннотация. Конфликтность ситуации после Второй мировой войны была переменной: от грани начала третьей мировой войны (Карибский кризис 1962 г., ставший самым опасным из кризисов периода холодной войны) до относительной стабилизации (период перестройки эпохи М. С. Горбачева, которая, как тогда казалось, свела к нулю все противоречия между двумя сторонами биполярного мира). Однако ученое сообщество уже тогда усматривало грядущую великую трансформацию системы международных отношений и глобального мироустройства, выдвигало свои гипотезы о ее течении и варианты построения будущего мира. Широко известные теории глобального мироустройства (И. Валлерстайна, С. Хантингтона, Ф. Фукуямы), частично реализованные, требуют анализа для выявления уровня ожидаемого и реализации достигнутого в трансформации глобального мироустройства, а также становления новой системы международных отношений, пришедшей в глубокий кризис в результате провокаций западных стран. Выполненный анализ позволит оценить представленные научные труды на предмет достоверности сделанных их авторами прогнозов, что, в свою очередь, даст возможность увидеть тренды становления и перспективы развития в XXI в. нового, более справедливого многополярного мира. На основе представленных концепций необходима разработка новой, отвечающей современным реалиям теории глобального мироустройства с учетом реализованных положений и потенциальных возможностей его формирования.

Ключевые слова: государство; право; мир-система; либерализм; демократия; цивилизация; идеология; противоречие; конфликт; Запад.

THEORIES OF THE GLOBAL WORLD ORDER: EXPECTATIONS AND REALITY

Tatyana M. Grishina,
Senior Lecturer, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
pravo_17@mail.ru

Abstract. The conflict situation after World War II was variable: from the brink of the outbreak of World War III (the Caribbean crisis of 1962, which became the most dangerous of the crises of the Cold War period) to relative stabilization (the period of perestroika of the era of M. S. Gorbachev, which, as it seemed then, reduced to zero all contradictions between the two sides of the bipolar world). However, the scientific community even then saw the upcoming great transformation of the system of

international relations and the global world order, put forward its hypotheses about its course and options for building a future world. The well-known theories of the global world order (I. Wallerstein, S. Huntington, F. Fukuyama), partially implemented, require analysis to identify the level of expected and implementation of the global world order achieved in the transformation, as well as the formation of a new system of international relations, which came into a deep crisis as a result of provocations of Western countries. The analysis will make it possible to evaluate the presented scientific works for the reliability of the forecasts made by their authors, which, in turn, will provide an opportunity to see the trends of formation and development prospects in the XXI century. a new, fairer multipolar world. Based on the presented concepts, it is necessary to develop a new theory of the global world order that meets modern realities, taking into account the realized provisions and potential possibilities for its formation.

Keywords: state; right; world-system; liberalism; democracy; civilization; ideology; controversy; conflict; West.

Современная система международных отношений, сформированная по итогам Второй мировой войны в Ялте и Потсдаме, находится в тяжелейшем системном кризисе с конца 1980-х гг., порождающем конфликты и новое геополитическое противостояние. Критический разлом мира проходит практически по всем сферам межгосударственного и социального взаимодействия (политики, экономики, культуры, идеологии, морали), что является беспрецедентным явлением в истории современности.

Недовольство итогами достигнутых соглашений возникло в англо-американском мире практически сразу же по окончании союзнических отношений в прошедшей войне, свидетельством чему может служить речь У. Черчилля уже 5 марта 1946 г. в американском городе Фултон. В ней была подчеркнута значимость «укрепления братского союза англоязычных народов», основная роль США, вырвавшейся вперед после Второй мировой войны в экономико-политическом развитии и в создании альянса англоязычных стран. Сделав комплиментарное заявление в сторону Советского Союза о своем «восхищении русским народом», Черчилль сделал стремительный разворот и нарисовал мрачную картину будущего Европы и мира в свете установления восточноевропейскими коммунистическими партиями «тотального контроля» в контексте расширения сферы советского влияния¹. Несмотря на несправедливость обвинений, это было очень важное заявление потому, что показало социалистическому лагерю и всему миру истинное лицо заключения каких-либо договоренностей с западной коалицией, во главе с США. Не только государственные деятели, но и научное сообщество получило материал для исследовательской деятельности по теме грядущих мировых перемен.

Начало противостояния было положено еще в середине XX в. после непродолжительного союзничества в борьбе с фашизмом. Конфликт продолжался на протяжении десятилетий, вплоть до 1991 г.², ставшего апогеем величия для коллективного Запада, объявившего себя победителем в «холодной войне»³, а для всего мира геополитической катастрофой, повлекшей глобальные перемены и вынужденного приспособления к постоянно меняющимся «правилам» самопровозглашенного

¹ Кутепов В. А., Рыбаков С. В. Фултонская речь Черчилля: суть и подтексты // Омский научный вестник. 2013. № 3 (119). С. 18.

² Багдасарян С. Д., Самсоненко Т. А., Гришина Т. М. Историко-правовая проекция распада СССР (тридцатилетний рубеж) // Вестник Адыгейского государственного университета. 2022. № 2 (299). С. 26.

³ Белевцева С. Н. Ялтинско-потсдамская система международных отношений: договорные основы, трансформации и современная реальность // Американистика: актуальные подходы и современные исследования. 2023. Вып. 15. С. 138.

гегемона — США, в зависимости от текущих интересов транснациональных корпораций, захватившими власть в этом некогда суверенном государстве.

Один из наиболее выдающихся американских социологов и экономистов XX в. Иммануил Валлерстайн, ушедший из жизни в 2019 г. (по сути, наш современник), в 1970-е гг. создал свою теорию мир-системного анализа, обосновавшую организацию и эволюцию современного капитализма как наднациональной системы⁴. В своем исследовании ученый занимал крайне левую сторону политической арены, однако назвать его идейным марксистом было бы неправильно. По отдельным вопросам его мысль совпадала с марксистским учением, порой он даже цитировал самого классика и сторонников марксизма (В. Ленина, М. Цэдуну, И. Сталина). Однако по некоторым пунктам он категорически возражал марксистам и даже считал, что он преодолел это учение, поднявшись на более высокий уровень.

В результате такого «преодоления» его теоретико-методологическая база имела собственные инструменты. Например, вместо традиционного диалектического и исторического материализма, ученый использует синергетику (теория диссипативных структур И. Пригожина) или кондратьевские циклы (теория длинных волн Н. Кондратьева), применяя при этом отдельные принципы социальной философии марксизма⁵. Валлерстайн возражал против классического деления социальных наук (экономика, социология и др.), сужающего потенциальные возможности исследователя, и призывал к междисциплинарному синтезу⁶.

Противоречивость его теории становится очевидной в конспирологическом взгляде ученого на Советский Союз, как на один из элементов господствующей в мире капиталистической системы, который пытается стать его центром, за счет определенных протекционистских мер. Ученый называет СССР «субимперской» державой, находящейся под тайным контролем США, по соглашению между государствами, для имитации взаимной конфронтации, с целью скрытия подлинного характера межгосударственных взаимоотношений⁷.

К ключевым идеям Валлерстайна можно отнести следующие:

- центральным понятием теории является «мир-система» — явление, включающее в себя множество государственных, культурных, политических образований. Он утверждал, что единицей анализа в экономике не может быть экономика одного государства, поскольку она включена в некие более широкие системы. То есть в истории человечества все крупные системы были «мир-империями», обладающие единым политическим центром. При этом именно центр империи эксплуатировал периферию;
- в период XV–XVII вв. произошло становление нового феномена — «мир-экономики». Такие явления появлялись и раньше, но всегда поглощались имперскими образованиями. В указанный период условия сложились таким образом, что ни одно из государств Европы не сумело монополизировать власть, хотя многие пытались это сделать (Габсбурги, Наполеон, Гитлер и др.). Капиталистической «мир-экономике» удалось занять ведущие позиции на мировом пространстве;
- сегодня так называемая локальная капиталистическая мир-система охватила весь мир. В системе присутствует центр (ядро) — в котором располагается передовое промышленное производство, а роль периферии — поставлять на рынок

⁴ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П. М. Кудюкина ; под общ. ред. канд. полит. наук Б. Ю. Кагарлицкого. СПб. : Университетская книга, 2001.

⁵ Бакаев С. Д. Мир-системный анализ Иммануила Валлерстайна // Вестник Московского университета. 2008. № 1. С. 170.

⁶ Шубрт И. Иммануил Валлерстайн: взгляд на труды социолога мирового масштаба // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 103.

⁷ Новиков К. Е. Мир-системная теория И. Валлерстайна: анализ идейных истоков спорных суждений о российской истории // Социологический журнал. 2015. Т. 21. № 2. С. 132.

- дешевую рабочую силу, сырье, полезные ископаемые и осуществлять аграрные работы;
- центр «мир-экономики» мигрировал от века к веку: начало было в Нидерландах, затем в Великобритании, а уже в XX в. он переместился в США. К странам периферии можно отнести государства Африки и Латинской Америки. В такой системе большая часть прибавочного продукта, созданного на периферии, идет в центр. Такой порядок заложен в самой сути капиталистической «мир-системы». Такая система не может эксплуатироваться бесконечно, поскольку в ней со времени возникают так называемые «полу-периферии», промежуточные звенья между ядром и периферией, обеспечивающие опосредованное управление между ними. К таким странам, по мнению Валлерстайна, можно отнести Китай, Россию, Бразилию, Мексику и некоторые другие;
 - страны, находящиеся на периферии капиталистической системы, пытаются преодолеть порог своей бедности, выстраивая институциональную структуру, подобную странам ядра, но их попытки тщетны. Для сокрытия истинных причин строятся псевдонаучные теории о том, что поражение связано с «неправильным» менталитетом народов, его ленью, неприсоединением к определенным этическим нормам и т.д. На самом же деле бедность этих стран связана с их определенным местом в капиталистической системе и изменить положение можно только коренными трансформациями самой системы.

Валлерстайн считал, что все изменения могут и должны произойти в недалеком будущем, поскольку капитализм подошел к критической точке своего существования. Смена капитализма новой системой неизбежна и, по мнению ученого, это будет «социализм».

Системный анализ Валлерстайна показал, что бедность определенных регионов земли не связана со внутренними причинами, но навязывается извне, в виде жесткой привязки к определенному месту ведущими капиталистическими державами.

Концепция Фрэнсиса Фукуямы⁸ включает главную идею «конца истории» в силу достижения идеологического апогея либеральной мысли. Его тезисы стали актуальными в момент упразднения Советского Союза, а вместе с ним и социалистического лагеря.

В фундаменте работы лежит мысль, что история — это борьба идеологий, возводящая человечество на вершину бытия. По его мнению, окончательную победу в исторической борьбе одержал либерализм, как совершенная идея, а потому история закончена и дальнейшее развитие невозможно, поскольку соперников у либерализма не существует.

Фукуяма, являясь ярким сторонником философской системы Гегеля, считал, что история движется через этапы, вызванные противоречиями и их разрешением. То есть история это не просто цепь событий, а закономерный процесс, продвигающий человечество к кульминации свободы и самосознанию.

Гегель считал всемирную историю прогрессом в сознании свободы, который должно познать в его необходимости⁹. История, как полагал философ, рациональна и движется к повышению самопознания и уровню свободы. Фукуяма, в свою очередь, синтезировал теории Гегеля и русского философа Кожева¹⁰, который интерпретировал гегелевскую теорию, утверждая, что либеральная демократия и есть та высшая точка, которая является заключением историко-диалектического процесса.

Главными теориями, способными бросить вызов либеральной демократии, Фукуяма считал фашизм, коммунизм и наследственную монархию¹¹. Но над ними была одержана победа: над фашизмом во Второй мировой войне, а над коммунизмом

⁸ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М. : АСТ, 2015.

⁹ Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб. : Наука, 1993–2000. С. 72.

¹⁰ Бойко П. Е., Галустьянц Г. Л. Всеобщая диалектика исторического процесса Г. В. Ф. Гегеля и современность // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20. № 4. С. 105.

¹¹ Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 6.

в «холодной войне». Монархия же, как форма правления, в большинстве европейских стран уже давно стала декорацией, не столько формой правления, сколько данью историческим традициям. С выходом либеральной демократии на ведущую позицию должны прекратиться и конфликты, поскольку эта идеология является наилучшей для человечества, способной обеспечить экономическое процветание и наибольшую свободу личности.

В теории Фукуямы прослеживается и определенная связь с марксистской теорией, хотя, на первый взгляд, теории диаметрально противоположны. Маркс считал историю борьбой классов (эксплуататоров и эксплуатируемых). Согласно его теории, социалистическое государство станет завершающим, за которым последует формация (бесклассовое общество) с высочайшим уровнем правосознания у личности. И на самом деле, попытки создать нового советского человека прослеживаются на протяжении существования СССР¹².

Фукуяма, будучи сторонником западных ценностей, просто заменил «коммунистическую формацию» на «либеральную демократию» как окончательную форму политической организации общества. То есть «концом истории» становится не марксистский «коммунизм», а «либерализм» Фукуямы.

Он считал дальнейшую эволюция мировых идеологий завершенной, поскольку превзойти либеральную демократию не представляется возможным. Она вне конкуренции, так как предлагает лучшее сочетание благополучного развития экономико-политической системы, особенно в сочетании с рыночной капиталистической экономикой. Фукуяма полагал, что экономические преимущества капитализма вкупе с демократическими свободами, явили образ оптимальной и самой стабильной формы государственного управления.

Однако он предвидел, что и отрицательные стороны либерально-демократического правления, в числе которых организация самодовольного общества, утратившего стремление к высоким целям, заменившего их на комфорт и благополучие. «Последний человек» в теории Фукуямы это тот, кто стремится к максимальному потреблению, высокому материальному уровню жизни и личной безопасности. Такая постановка вопроса вызывает беспокойство у самого автора несмотря на то, что он считает эту форму «концом истории», ее апогеем. Общество таких людей, по его мнению, станет нежизнеспособным и не сможет поддерживать функционирование своих же демократических институтов. Таким образом, в режиме отсутствия идеологической борьбы либеральная демократия станет максимально уязвимой, что спровоцирует ее разложение.

Теория Фукуямы вызвала широкий дискурс в научном сообществе: от полного принятия до жесткой критики и антагонизма. Например, его мысль о экономико-политическом симбиозе, предлагаемым либеральной демократией, разбивается моделью государственного капитализма в Китае, декларирующего свою социалистическую направленность. Мысль Фукуямы об окончании идеологических войн также очень сомнительна, поскольку всплеск исламистского радикального фундаментализма, бросает вызов и дает очевидный повод для активного продолжения борьбы, что и было признано самим автором, признавшего свой неоправданный оптимизм в данном контексте. Наибольшая опасность для либерально-демократической идеологии скрывается внутри нее, в форме слабости человека, как биосоциального существа¹³.

Говоря о господствующем сегодня в мире экономическом неравенстве определенных стран, следует отметить, что оно создано именно либеральной демократией, что разбивает утверждение Фукуямы о экономическом благополучии в случае выбора данного режима.

¹² Молостова Е. С. Модели «нового человека» в советский период: подступы к трансгуманизму // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2014. № 9 (180). С. 169.

¹³ Христенко Д. Н. Концепция «конца истории» и ее переосмысление: эволюция взглядов Ф. Фукуямы // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2019. Т. 24. № 180. С. 189.

Сегодня в мире на фоне верховенства либерально-демократического режима управления наблюдается стремительный рост многочисленных популистских движений (как левых, так и правых), деятельность которых дестабилизирует государство и общество.

Глобализация мировой экономики, проводимая в последние десятилетия, родила множество политических угроз и конфликтов, создав лагеря «победителей» и «побежденных» в экономических и реальных войнах, проводимых странами Запада. В то время, как принцип свободных рынков и открытых границ, которые Фукуяма считал триумфом либеральной демократии, сегодня попорчены самими авторами этой концепции — странами коллективного Запада, в искусственно спровоцированных ими на евразийском континенте конфликтах, носящих характер «гибридных войн»¹⁴.

Существует еще одна концепция западного ученого С. Хантингтона, разъясняющая причины противоречий и разногласий между государствами, перерастающими в кровавые столкновения. Научная мысль базируется на взаимодействии цивилизаций — масштабной совокупности стран, обладающих общими признаками (культурными, конфессиональными, языковыми, ценностными и др.). В подавляющем большинстве случаев главными признаками признается религиозный, а также культурная идентификация человека, то есть принадлежности к определенному обществу.

В отличие от государств, цивилизации обладают более длительным сроком жизни, насчитывающей тысячелетия. Каждая цивилизация считает себя главной в планетарном масштабе и представляет историю человечества соответственно своего понимания. Данная идея легла в основу работы С. Хантингтона¹⁵ (1993 г.).

Следует заметить, что мировое устройство, созданное по результатам Второй мировой войны, было устроено согласно закону диалектики «единство — борьба противоположностей», а именно в идеологическом противоречии двух противоборствующих лагерей: «прозападного» и «просоветского». Однако после упразднения Советского Союза и установления однополярного мира, идеологические, социальные, экономические и политические различия ушли с ведущих позиций. Сегодня главными признаются культурные отличия, включающие в себя религию и мораль, выработанные в историческом процессе.

Хантингтон предложил осознавать политические конфликты через призму цивилизационных столкновений. Концепция ученого подвергается критике научного сообщества из-за определенных неточностей в классификации мировых цивилизаций, однако его упрощенная схема позволяет достаточно глубоко проникнуть в смысл современного геополитического мироустройства. По мнению Хантингтона, мировые цивилизации следует дифференцировать на следующие: западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, православно-славянская, латиноамериканская и африканская. Он считал, что в современном мире, становящемся всё более узким в процессе глобализации и цифровых технологий, конфликты всё чаще будут случаться на стыке цивилизаций¹⁶. Причем наибольшей конфликтностью обладают, по мнению ученого, западные цивилизации. И в партнерские отношения государства будут вступать на основе сродства культур.

Интересным представляется и тот факт, что Хантингтон выделяет малые цивилизации, так называемые «страны-одиночки», среди которых он называет Эфиопию, Турцию, Израиль и некоторые др. Ведущими игроками на мировой арене станут национальные государства, являющиеся стержнем цивилизации. Самые устойчивые и стабильные из них будут диктовать правила поведения для всего мира. Однако

¹⁴ Черноперов В. Л., Сулейманова У. И. Гибридная война: предпосылки появления, концепции, сущность, цели, инструментарий, правовые вопросы, риски // Ноосферные исследования. 2021. Вып. 3. С. 42.

¹⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003.

¹⁶ Ракова К. В. Столкновение или сотрудничество цивилизаций? Актуальные оценки западными специалистами концепции С. Хантингтона // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т. 3. № 2. С. 37.

и у слабых государств могут быть альтернативные варианты жизнедеятельности. Они могут как подстраиваться под ведущие, так и вступать с ними в конфликты (что случается значительно реже).

Основным фактором цивилизационных отличий Хантингтон считал религию — главную движущую силу цивилизации¹⁷. Главным двигателем цивилизационных столкновений является показатель исторической конфликтности между цивилизациями, ненависть, заложенная в привычку. Ведь наличие общего «врага» создает предпосылки для объединения и общей борьбы. Здесь наблюдается основное противоречие между концепциями Ф. Фукуямы и С. Хантингтона: первый уверен в единстве и бесконфликтности грядущего мира, нашедшего свой идеал, а второй утверждает, что уровень конфликтности повысится, поскольку цивилизационные группы будут находиться в постоянном противопоставлении друг другу.

Хантингтон отмечает, что человечество на протяжении своего существования всегда делили мир на «своих» и «чужих». «цивилизованных» и «варваров». В научной терминологии это звучит как «Запад» и «Восток», «центр» и «периферия» и др. Отметим, что сегодня особенно отчетливо видно, как умело внедряет «западная цивилизация» эту парадигму в умы людей, поднимая уровень гиперболизированного национализма, подменяя и манипулируя понятиями на медийных площадках, для развития цивилизаций по своему лекалу. Например, разделение русских по всему постсоветскому пространству, было направлено на ослабление самостоятельного самосознания русского народа. В то время как экономический успех китайский народ приписывает не организации демократических институтов по западным образцам, а своей ментальности, выработанной на основе конфуцианства и легизма, в течение тысячелетий.

Хантингтон в своем труде рассматривает эволюцию исламской цивилизации и подчеркивает ее опасность для Запада, что приведет к многочисленным столкновениям в ближайшее время. Эта мысль подтверждается миграционными потоками, буквально захватывающими территории Европы. Следует отметить, что эта миграция была спровоцирована самими западными странами в результате развязанных в азиатской части континента войн, не имеющих под собой реальных оснований.

Угрозу со стороны конфуцианства Хантингтон видит в усилении военной мощи Китая, а также объединении ислама и конфуцианства против западных ценностей. «Стык цивилизаций» может проходить по многонациональному крупному государству, которое может быть устойчивым, так и нестабильным. К таким государствам ученый относит Россию, в любой из исторических форм, содержащую в себе множественность культур и конфессий.

По мнению Хантингтона, если русский народ вычеркнет из своего сознания ценностный ряд как либеральной демократии, так и марксизма, начав мыслить самостоятельно, исключительно в русле национальных интересов, это повлечет за собой масштабное усиление конфликта Россия — Запад, поскольку западная демократия и русский традиционализм расходятся в противоположных направлениях и нигде не стыкуются.

Хантингтон как яркий приверженец западной культуры и демократических ценностей в своей работе придерживается идеи превосходства западной цивилизации. Современный мир он описывает как хаотичную совокупность несовместимых политических систем и культур, а линия раздела проводится между западными и незападными ценностями, а не традиционными и современными обществами.

Линия его размышления неизбежно приводит к идее культурного превосходства западной цивилизации, а также ценностного ряда, включающего в себя представления о демократии, свободах и правах человека, равенстве всех перед законом. Однако ученый отвергает позицию универсальной цивилизации, подчеркивая невозможность цивилизационной конвергенции. Для стабильного существования

¹⁷ Комиссаров И. И. Специфические черты цивилизационной модели в политической философии С. Хантингтона // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2017. № 1. С. 58.

достаточно взаимного уважения и интереса к основным культурным ценностям взаимодействующих на планете цивилизаций.

Представленные теории трех ведущих западных ученых, несмотря на кажущуюся, на первый взгляд, несхожесть имеют основополагающую единую характеристику, а именно, все ученые в той или иной степени являются приверженцами идеи об одно-значном лидерстве западной идеологии и наделении западного общества миссией просвещения и воспитания «варваров», под которыми предполагаются все незапад-ные цивилизации, государства и общества.

Валлерстайн, проявляя определенную склонность к отдельным положениям марксистской концепции всё же не являлся ее идейным сторонником, и обосновывал свою концепцию на фундаменте западных идей и теорий: капиталистической мир-системе, возглавляемой западными странами, удалось охватить весь мир; Запад диктует правила для периферии, манипулируя сознанием народов, навязывая необходимость внедрения «демократических институтов» и используя это для реализации собственных экономических интересов; «социализм», приходящий на смену капиталистической системе, трактуется как удел «полупериферии».

Главный вывод, который Валлерстайн делает в своем исследовании, — о том, что социалистический либерализм, консервативный либерализм, даже социалистический консерватизм являются элементами идеологии либерализма, как единственной господствующей идеологии в современном мире¹⁸.

Фукуяма, будучи восторженным воспевателем либеральной демократии, ярко демонстрировал свою приверженность и непоколебимую уверенность в победе представляемой идеологии. Идеальных режимов нет, считал ученый, и «неудовлетворенность возникает именно там, где триумф демократии наиболее полон: это неудовлетворенность свободой и равенством»!¹⁹ Однако даже он признавал внутреннюю ущербность такого мироустройства. Человек, как биосоциальное существо, станет изнежен, безволен и слаб. Он не захочет и не сможет поддерживать демократические институты, созданные им же. Трудно не согласиться с таким выводом, поскольку результаты либерально-демократического лидерства (панамериканизма) показывают сегодня именно такие результаты: сознание общества полностью зависит от настроек медийного пространства, лидеры западных государств деградируют в политической сфере, не обладают стратегическим мышлением и не способны к равноправному диалогу на международной арене.

Хантингтон не столь активно демонстрировал свою приверженность западным идеям, однако считал западные идеологии «универсальными», несмотря на все возрастающее противодействие им незападных цивилизаций, переходящее в перманентный конфликт. Он утверждал необходимость: укрепления единства западной цивилизации, включающей Западную и Восточную Европу, Северную и Латинскую Америку); взаимодействия с Россией; недопущения перерождения межцивилизационных конфликтов в войны; сдерживание развития Китая; всестороннюю поддержку прозападной идеологии в незападных цивилизациях; укрепление международных организаций, созданных для продвижения своих интересов Западом и продвигающих их реализацию²⁰. То есть практически прогнозировал возможность и призывал к становлению «универсальной цивилизации», полностью соответствующей идее глобализма под эгидой США.

В основу нарождающегося мирового устройства, по их мнению, должна быть заложена именно либерально-демократическая идея (доминирующая американская поп-культура, рыночная экономика и др.), проповедуемая коллективным Западом.

¹⁸ Пучковская А. А. Мир-системный подход И. Валлерстайна и его применение в культурологии : дис. ... канд. культ. наук : 24.00.01 СПб., 2015.

¹⁹ Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 256.

²⁰ Комар Ю. И. Столкновение цивилизаций. перспективы мировой политики (концепция С. Хантингтона и ее критики) // Афро-азиатский мир: проблемы цивилизационного анализа. Вып. 1 / Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. пробл. Отдел Азии и Африки. М., 2004. С. 53.

Но что же принесла человечеству эта идеология, настойчиво внедряемая в течение десятков лет ее самопровозглашенным лидером — США?

Получив в свои руки полномочия «мирового жандарма» и главного «крестоносца от демократии»²¹, США не сумели создать более справедливое и стабильное мироустройство, хотя лимит доверия, выданный мировым сообществом, был чрезвычайно велик. Мир погрузился в бесконечные войны, финансово-экономические кризисы, вызванные желанием «жить взаймы», колоссальные внешние заимствования США и импортируемую в мир инфляцию, связанную с владением резервной мировой валютой, экономические ограничения в отношении неугодных оппонентов, нежелание вести равноправный диалог, агрессивную экспансию своих ценностных установок, вмешательство во внутренние дела суверенных государств и др.

Наивность, с которой страны постсоветского пространства входили во вдруг открывшийся для них «цивилизованный мир», достаточно быстро обернулась холодным душем объективной реальности: «пищевой апартеид» под видом гуманитарной помощи; кредиты МВФ как инвестиции в развивающуюся экономику, с длинным списком требований к правительствам; «защита демократических прав и свобод» (в 1990-х) международных террористов (на территории Чечни), посягавших на территориальную целостность и основы конституционного строя Российской Федерации и др.

К открытым враждебным действиям по отношению к России (как к ядерной державе) НАТО (синонимично США) приступили не сразу. В течение более чем трех десятков лет шли многочисленные «репетиции» с демонстрацией собственного величия и военной мощи, свидетельством чему могут послужить агрессивные действия США и «оборонительного блока» НАТО: Югославия, Ирак, Ливия, Афганистан и др. Нередко вторжению предшествовала «цветная революция», как это было в Ливии в 2011 г. Инициированная США «Арабская весна» спровоцировала свержение режим М. Каддафи, замена его исламистскими силами²² и превращение цветущего государства в глубокую «периферию», реализующую экономические интересы США.

Экономические ограничения государств, проводящих внутреннюю и внешнюю политику вразрез с интересами коллективного Запада, стали обыденностью для современного мира. В подавляющем большинстве случаев они вводятся без одобрения СБ ООН и влекут серьезный ущерб не только для экономик «подсанкционных», но и «санкционирующих» государств. В настоящий момент «лидером» по введенным против него западным миром рестрикций является Российская Федерация. Такие действия не улучшили положение обеих сторон, но критически усугубили и обострили имеющиеся противоречия, а также показали миру неблагоприятную перспективу возможного взаимодействия с Западом, выраженную в форме конфискации активов России.

Указанные и иные факторы, требующие глубокого научного исследования и оценке, свидетельствуют о деструкции западной цивилизации. Многие реализованные элементы этого явления были спрогнозированы в теориях Валлерстайна, Фукуямы и Хантингтона, например:

1. Капиталистическая «мир-система», захватившая в конце XX в. весь мир, поделила планету на зоны (ядро, полупериферия, периферия). Несмотря на временную успешность манипуляций с мыслью о необходимости институциональной «демократизации» по западной модели, в бедных странах росло национальное самосознание, нередко приобретающее радикальные формы. Крушение капитализма неизбежно, но оно не должно пройти в форме катастрофы, способной разрушить человеческую цивилизацию. Первоочередная задача человечества найти гармоничное решение

²¹ Валуев А. В. Глобальная роль европейского измерения внешней политики «новой» Великобритании: успех и поражение правительств Тони Блэра (1997–2007 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2010. № 120. С. 285.

²² Антюхова Е. А. Международные конфликты начала XXI века и подход НАТО по их урегулированию // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 3. С. 75.

выхода из многостороннего глубокого кризиса, в том числе и сферы международных отношений.

2. Идея абсолютного торжества либерально-демократической идеи, обернулась для сторонников ее сокрушительным падением с пьедестала. Агрессивная экспансия (военная и идеологическая), грубое вмешательство во внутренние дела суверенных государств, лоббирование западных экономических интересов по всему миру, манипулятивное информационное воздействие на сознание народов через глобальные площадки и др. подаваемое миру под видом защиты прав и свобод личности, привело к обратному эффекту.

3. Вполне была реализована только концепция нежизнеспособного «последнего человека» не способного к управлению своих же демократических институтов. Хаос, охвативший мир поставил человечество на грань выживания. Никогда еще мир не стоял так близко к полному уничтожению в ядерной войне.

4. Идеи «универсальности западной идеологии» и «цивилизационного превосходства Запада» также стали мифами, приведшими мир к опасной черте. Восстановление Россией своей суверенности после провала 1990-х и осознания самобытности православной цивилизации²³, усиливает страх коллективного Запада перед объединением незападных цивилизаций против западных ценностей. Он вполне обоснован и формы его уже очерчены в таких вполне успешных международных объединениях, как: ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, БРИКС, и др. На этом фоне пропаганда прозападной идеологии в незападных цивилизациях получила мощное противодействие, к сожалению, порой обретающее экстремистские формы. Взаимное межкультурное уважение не было достигнуто, в то время как конфликтность в мире только нарастает по идеологическим, национальным и религиозным факторам.

Можно утверждать, что прогнозы, заложенные в представленных теориях глобального мироустройства, получили сегодня лишь частичное подтверждение. Однако они содержат ценную информацию о тенденциях развития, которую требуется проанализировать с целью выявления исторических уроков и недопущения ошибок в будущем. Однополярный мир, возникший после упразднения Советского Союза и крушения социалистического лагеря, не принес стабильности и процветания, но поставил человечество на грань глобальной цивилизационной войны — «все против всех». Возрождение многополярного мира, уже реализуется в форме «регионализации» с центром на Евразийском континенте, начало которому было положено западной цивилизацией, не рассматривающей возможность равноправного диалога с «варварами» (незападными цивилизациями). Сформирована основа «глобального Юга» как силы, противодействующей «глобальному Западу». Успешность проведенного в октябре 2024 г. в Казани XVI саммита БРИКС, а также проявленный коллективным Западом экзистенциальный страх перед объединенной Евразией и ее союзниками, подтвердила верное направление формирования новой системы международных отношений. Научное сообщество должно в свою очередь, выработать новую, актуальную, отвечающую современным реалиям теорию, с учетом реализованных положений и потенциальными возможностями формирования более справедливого глобального мироустройства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аверьянов В. Мировоззрение Русской цивилизации: путь к себе. Что есть Русская цивилизация (Русский мир) // Изборский клуб. Русские стратегии. — 2024. — № 1 (119). — 156 с.
2. Антюхова Е. А. Международные конфликты начала XXI века и подход НАТО к их урегулированию // Вестник Брянского государственного университета. — 2015. — № 3. — С. 74–77.

²³ Аверьянов В. Мировоззрение Русской цивилизации: путь к себе. Что есть Русская цивилизация (Русский мир) // Изборский клуб. Русские стратегии. 2024. № 1 (119). С. 47.

3. Багдасарян С. Д., Самсоненко Т. А., Гришина Т. М. Историко-правовая проекция распада СССР (тридцатилетний рубеж) // Вестник Адыгейского государственного университета. — 2022. — № 2 (299). — С. 24–34.
4. Бакаев С. Д. Мир-системный анализ Иммануила Валлерстайна // Вестник Московского университета. — 2008. — № 1. — С. 168–174.
5. Белевцева С. Н. Ялтинско-потсдамская система международных отношений: договорные основы, трансформации и современная реальность // Американистика: актуальные подходы и современные исследования. — 2023. — Вып. 15. — С. 121–143.
6. Бойко П. Е., Галустьянц Г. Л. Всеобщая диалектика исторического процесса Г. В. Ф. Гегеля и современность // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2019. — Т. 20. — № 4. — С. 98–111.
7. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П. М. Кудюкина ; под общ. ред. канд. полит. наук Б. Ю. Кагарлицкого. — СПб. : Университетская книга, 2001. — 416 с.
8. Валуев А. В. Глобальная роль европейского измерения внешней политики «новой» Великобритании: успех и поражение правительств Тони Блэра (1997–2007 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. — 2010. — № 120. — С. 283–290.
9. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. — СПб. : Наука, 1993–2000. — 480 с.
10. Комар Ю. И. Столкновение цивилизаций. Перспективы мировой политики (концепция С. Хантингтона и ее критики) // Афро-азиатский мир: проблемы цивилизационного анализа. — Вып. 1. — М., 2004. — С. 47–66.
11. Комиссаров И. И. Специфические черты цивилизационной модели в политической философии С. Хантингтона // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. — 2017. — № 1. — С. 55–63.
12. Кутепов В. А., Рыбаков С. В. Фултонская речь Черчилля: суть и подтексты // Омский научный вестник. — 2013. — № 3 (119). — С. 17–20.
13. Молостова Е. С. Модели «нового человека» в советский период: подступы к трансгуманизму // Научные ведомости Белгородского государственного университета. — 2014. — № 9 (180). — С. 168–175.
14. Новиков К. Е. Мир-системная теория И. Валлерстайна: анализ идейных истоков спорных суждений о российской истории // Социологический журнал. — 2015. — Т. 21. — № 2. — С. 130–149.
15. Пучковская А. А. Мир-системный подход И. Валлерстайна и его применение в культурологии : дис. ... канд. культ. наук : 24.00.01. — СПб., 2015. — 155 с.
16. Ракова К. В. Столкновение или сотрудничество цивилизаций? Актуальные оценки западными специалистами концепции С. Хантингтона // Проблемы цивилизационного развития. — 2021. — Т. 3. — № 2. — С. 20–50.
17. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. — М. : АСТ, 2015. — 259 с.
18. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева ; Ю. Новикова. — М. : АСТ, 2003. — 603 с.
19. Христенко Д. Н. Концепция «конца истории» и ее переосмысление: эволюция взглядов Ф. Фукуямы // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2019. — Т. 24. — № 180. — С. 186–195.
20. Черноперов В. Л., Сулейманова У. И. Гибридная война: предпосылки появления, концепции, сущность, цели, инструментарий, правовые вопросы, риски // Ноосферные исследования. — 2021. — Вып. 3. — С. 33–46.
21. Шубрт И. Иммануил Валлерстайн: взгляд на труды социолога мирового масштаба // Социологические исследования. — 2020. — № 8. — С. 101–109.

REFERENCES

1. Averyanov V. The worldview of Russian civilization: the path to oneself. What is Russian civilization (Russian World). *Izborsk Club. Russian strategies*. 2024;1(119):156. (In Russ.).
2. Antyukhova EA. International conflicts of the beginning of the XXI century and NATO's approach to their settlement. *Bulletin of Bryansk State University*. 2015;3:74-77. (In Russ.).
3. Bagdasaryan SD, Samsonenko TA, Grishina TM. Historical and legal projection of the collapse of the USSR (a thirty-year milestone). *Bulletin of Adygea State University*. 2022;2(299):24-34. (In Russ.).
4. Bakaev SD. World-system analysis of Immanuel Wallerstein. *Moscow University Bulletin*. 2008;1:168-174. (In Russ.).
5. Belevtseva SN. Yalta-Potsdam system of international relations: contractual foundations, transformations and modern reality. *American Studies: Current Approaches And Modern Research*. 2023;15:121-143. (In Russ.).
6. Boyko PE, Galustyants GL. General dialectics of the historical process of G.V.F. Hegel and the present. *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*. 2019;20(4):98-111.
7. Wallerstein I. Analysis of world systems and the situation in the modern world. Trans. from English by P.M. Kudyukin. St. Petersburg: University Book Publ.; 2001. (In Russ.).
8. Valuev AV. The global role of the European dimension of the foreign policy of «New» Great Britain: the success and defeat of the governments of Tony Blair (1997–2007). *Bulletin of Herzen Russian State Pedagogical University*. 2010;120:283-290. (In Russ.).
9. Hegel GVF. Lectures on the philosophy of history. St. Petersburg: Science; 1993–2000. (In Russ.).
10. Mosquito YuI. Clash of civilizations. Prospects for world politics (concept of S. Huntington and its critics). *Afro-Asian World: Problems of Civilizational Analysis*. Issue 1. Moscow; 2004. (In Russ.).
11. Komissarov II. Specific features of the civilizational model in the political philosophy of S. Huntington. *Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin*. 2017;1:55-63. (In Russ.).
12. Kutepov VA, Rybakov SV. Churchill's Fulton speech: essence and subtexts. *Omsk Scientific Bulletin*. 2013;3(119):17-20. (In Russ.).
13. Molostova ES. Models of the «new man» in the Soviet period: Approaches to transhumanism. *Proceedings of Belgorod State University*. 2014;9(180):168-175. (In Russ.).
14. Novikov KE. The world-system theory of I. Wallerstein: an analysis of the ideological origins of controversial judgments about Russian history. *Sociological Journal*. 2015;21(2):130-149. (In Russ.).
15. Puchkovskaya AA. The world-system approach of I. Wallerstein and its application in cultural studies. Cand. Sci. (Law) Diss. St. Petersburg; 2015. (In Russ.).
16. Rakova KV. Clash or cooperation of civilizations? Actual assessments by Western experts of the concept of S. Huntington. *Problems of Civilizational Development*. 2021;3(2):20-50. (In Russ.).
17. Fukuyama F. The end of history and the last man. Moscow: AST Publ.; 2015. (In Russ.).
18. Huntington S. Clash of civilizations. Trans. from English by T. Velimeeva; Yu. Novikova. Moscow: AST Publ.; 2003. (In Russ.).
19. Khristenko DN. The concept of the «end of history» and its rethinking: the evolution of the views of F. Fukuyama. *Tambov University Bulletin. Humanities Series*. 2019;24(180):186-195. (In Russ.).
20. Chernoperov VL, Suleymanova UI. Hybrid war: prerequisites for the appearance, concepts, essence, goals, tools, legal issues, risks. *Noospheric Research*. 2021;3:33-46. (In Russ.).
21. Shubrt I. Immanuel Wallerstein: a look at the works of a world-class sociologist. *Sociological Research*. 2020;8:101-109. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2024.32.4.064-073

ИНТЕГРАЦИОННО-ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ: ОПЫТ ЕС

Нечаева Елена Константиновна,

доцент кафедры интеграционного и европейского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук

125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

eknechaeva@msal.ru

Пономарева Дарья Владимировна,

доцент кафедры практической юриспруденции, старший научный сотрудник

Научно-образовательного центра правового обеспечения биоэкономики

и генетических технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

кандидат юридических наук, доцент

125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

dyponomareva@msal.ru

© Нечаева Е. К., Пономарева Д. В., 2024

Аннотация. Статья посвящена детальному анализу наиболее успешно функционирующей модели правового регулирования отношений в сфере альтернативной энергетики — модели, сложившейся в рамках ЕС. В настоящее время на наднациональном уровне интеграционные объединения внедряют различные нормативные требования для содействия переходу к низкоуглеродным источникам энергии, включая цели по возобновляемым источникам энергии и специализированное законодательство, затрагивающее проблематику изменения климата. Компании, работающие в секторе возобновляемых источников энергии, должны ориентироваться в соответствующих нормативных предписаниях, чтобы избежать потенциальных юридических проблем. При этом Европейский Союз обладает наиболее успешным опытом регламентации отношений в связи со стимулированием производства энергии из возобновляемых источников. Для ЕС характерны комплексное правовое регулирование в сочетании с тенденцией к унифицированности, которая проявляется благодаря росту принятия регламентов в качестве ключевого источника регламентации соответствующих правоотношений. Вместе с тем на уровне ЕС наблюдается дифференциация правового регулирования использования альтернативных источников энергии в зависимости от направления их применения (морской транспорт, воздушный транспорт и т.д.). Во многом такая дифференциация продиктована необходимостью обеспечить соответствие регулирования действующему экологическому и климатическому законодательству ЕС. Авторы подчеркивают, что сочетание унифицированного подхода и дифференцированного регулирования в сфере альтернативной энергетики может послужить основой для развития релевантного законодательства Российской Федерации и интеграционных объединений с ее участием, включая ЕАЭС, а также СНГ.

Ключевые слова: правовое регулирование; альтернативная энергетика; ЕС; возобновляемые источники энергии; наднациональное право; регламент; директива; комплексное регулирование; унификация; дифференциация.

INTEGRATION AND LEGAL MODEL OF ALTERNATIVE ENERGY DEVELOPMENT: THE EU EXPERIENCE

Elena K. Nechaeva,

Associate Professor, Department of Integration and EU Law, Kutafin Moscow State Law
University (MSAL), Moscow, Russian Federation
eknechaeva@msal.ru

Darya V. Ponomareva,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Practice Jurisprudence, Senior
Researcher, Scientific and Educational Center for Legal Support of Bioeconomics and Genetic
Technologies, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
dvponomareva@msal.ru

Abstract. *The paper is devoted to a detailed analysis of the most successfully functioning model of legal regulation of relations in the field of alternative energy — a model that has developed within the EU. At the supranational level, integration associations are currently implementing various regulatory requirements to facilitate the transition to low-carbon energy sources, including renewable energy targets and specialized legislation addressing climate change. Companies operating in the renewable energy sector should navigate the relevant regulations to avoid potential legal challenges. At the same time, the European Union has the most successful experience in regulating relations in connection with stimulating the production of energy from renewable sources. The EU is characterized by comprehensive legal regulation combined with a trend towards uniformity, which is manifested due to the growing adoption of regulations as a key source of regulation of relevant legal relations. At the same time, at the EU level, there is a differentiation of legal regulation of the use of alternative energy sources depending on the area where they are used (sea transport, air transport, etc.). In many respects, this differentiation is dictated by the need to ensure compliance with the current environmental and climate legislation of the EU. The authors emphasize that the combination of a unified approach and differentiated regulation in the field of alternative energy can serve as the basis for the development of relevant legislation of the Russian Federation and integration associations with its participation, including the EAEU, as well as the CIS.*

Keywords: *legal regulation; alternative energy; EU; renewable energy; supranational law; regulations; directive; integrated regulation; unification; differentiation.*

Использование возобновляемых источников энергии в настоящее время является центральным аспектом в контексте решения проблемы изменения климата, а также прекращения зависимости государств от традиционных источников энергии. Органы государственной власти и частные компании стремятся способствовать сокращению выбросов парниковых газов, популяризировать использование альтернативных источников энергии, к которым относят энергию солнца, ветра, воды, геотермальную энергию и биоэнергетику (биотопливо и биогазы), что является ключевым фактором достижения целей устойчивого развития. Учет экологических, управленческих и социальных факторов в разработке инвестиционных стратегий и формулировании бизнес-решений обеспечивает привлечение интереса и дополнительных ресурсов к практике использования альтернативной энергетики.

Соединение принципов и целей устойчивого развития с намерением активно внедрять использование альтернативных источников энергии коренным образом влияет на развитие энергетической отрасли в целом. Продвижение использования возобновляемых источников энергии предполагает применение механизмов

сотрудничества между всеми заинтересованными сторонами (органами государственной власти, бизнесом, обществом), разработку нормативного правового регулирования отношений, складывающихся в рассматриваемой сфере, включая стратегические документы, предполагающие получение долгосрочных выгод от альтернативной энергетики для окружающей среды, общества и экономики.

Коммерческие организации, вовлеченные в инвестиционные проекты в сфере альтернативной энергетики и ориентирующиеся на использование ESG-стандартов, получают не только преимущества от стремления к достижению целей устойчивого развития, но и сталкиваются с проблемами, сопряженными с указанной проблематикой.

Спрос на энергетические ресурсы постоянно растет, именно поэтому возникает потребность в использовании более устойчивых, «чистых» источников энергии. Энергия солнца, ветра, воды, геотермальных источников, а также биоэнергетика становятся значимыми компонентами национальных стратегий развития энергетической отрасли. Технологический процесс способствует удешевлению внедрения возобновляемых источников энергии, а это, в свою очередь, приводит к коренной трансформации энергетического ландшафта¹.

Стремление к устойчивости является одной из ключевых причин использования альтернативных источников энергии. Переход к низкоуглеродным источникам энергии становится для большинства государств осознанной необходимостью, поскольку с каждым годом всё более остро ощущается проблема изменения климата. Широкое использование возобновляемых источников энергии способствует сокращению выбросов парниковых газов, является условием обеспечения энергетической безопасности в долгосрочной перспективе и согласуется с целевыми показателями Парижского климатического соглашения 2015 г., согласно которому необходимо ограничить глобальное потепление до 1,5 °C.

В настоящее время на национальном и наднациональном уровне государства и интеграционные объединения внедряют различные нормативные требования для содействия переходу к низкоуглеродным источникам энергии, включая цели по возобновляемым источникам энергии и специализированное законодательство, затрагивающее проблематику изменения климата. Компании, работающие в секторе возобновляемых источников энергии, должны ориентироваться в соответствующих нормативных предписаниях, чтобы избежать потенциальных юридических проблем. Безусловный интерес в контексте совершенствования нормативного правового регулирования в области стимулирования производства энергии из возобновляемых источников демонстрирует Европейский Союз.

Европейский Союз — международное интеграционное объединение, которое на наднациональном уровне реализует целевые установки политики устойчивого развития, связанные с потреблением безопасной, надежной, конкурентоспособной и экологичной энергии². Принятые на уровне Союза нормативные документы свидетельствуют о его решимости стать первой в мире организацией, в рамках которой реализуется «зеленый курс» — политика ЕС в области климата, энергетики, транспорта и налогообложения, предполагающая сокращение чистых выбросов парниковых газов по меньшей мере на 55 % к 2030 г. по сравнению с уровнем 1990 г., а также достижение климатической нейтральности к 2050 г., как установлено в качестве обязательства в Регламенте (ЕС) 2021/1119 Европейского парламента и Совета от 30.06.2021, устанавливающим основу для достижения климатической нейтральности и вносящем поправки в Регламенты (ЕС) № 401/2009 и (ЕС)

¹ Алексеев А. Е., Новицкий И. Ю., Женжебир В. Н., Пшава Т. С., Дадугин М. В. Энергетическая безопасность в Европейском Союзе: проблемы «зависимости» и развития // Наукоедение. Т. 7. 2015. № 6. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/35EVN615.pdf> (дата обращения: 20.12.2024).

² Интеграционное право в современном мире: сравнительно-правовое исследование : монография П. А. Калиниченко, С. Ю. Кашкин [и др.] ; отв. ред. С. Ю. Кашкин. М. : Проспект, 2015. С. 90.

2018/1999 («Европейский климатический закон»)³. Цели в области энергетики имеют решающее значение: производство более чистой энергии за счет технологических исследований и инноваций, а также инвестирование в отремонтированные, энергоэффективные здания и сооружения.

Указанные цели основаны на *Стратегии энергетического союза* (2015 г.)⁴, которая вместе с *Регламентом (ЕС) 2018/1999 об управлении энергетическим союзом*⁵ определяют направления энергетической политики ЕС:

А) диверсификация источников энергии в ЕС, начиная от ископаемого топлива и ядерной энергетики и заканчивая возобновляемыми источниками энергии (энергия солнца, ветра, биомасса, геотермальная, гидроэлектрическая и приливная энергия) для обеспечения энергетической безопасности;

Б) создание полностью интегрированного и эффективного внутреннего энергетического рынка без технических и нормативных барьеров;

В) повышение энергоэффективности и взаимосвязи энергетических сетей, сокращение выбросов;

Г) переход к экономике с низким уровнем выбросов углерода в соответствии с обязательствами, изложенными в Парижском соглашении 2015 г.;

Д) содействие исследованиям в области низкоуглеродных и чистых энергетических технологий, а также приоритизация исследований и инноваций для стимулирования энергетического перехода, и повышения конкурентоспособности.

Статья 194 Договора о функционировании Европейского Союза⁶ определяет правовые основы для сферы энергетики, а именно совместную компетенцию Союза и государств — членов ЕС в контексте общей энергетической политики.

В контексте формирования регуляторики в области возобновляемой энергетики основополагающее значение приобретают документы, осуществляющие общее регулирующее воздействие на энергетический рынок Европейского Союза⁷. Особую роль здесь играют документы — стратегии. Так, в 2015 г. была принята *Рамочная стратегия для устойчивого энергетического союза с перспективной политикой в*

³ Regulation (EU) 2021/1119 establishing the framework for achieving climate neutrality and amending Regulations (EC) No. 401/2009 and (EU) 2018/1999 («European Climate Law») // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32021R1119> (дата обращения: 20.12.2024).

⁴ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank A Framework Strategy for a Resilient Energy Union with a Forward-Looking Climate Change Policy // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52015DC0080> (дата обращения: 20.12.2024).

⁵ Regulation (EU) 2018/1999 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the Governance of the Energy Union and Climate Action, amending Regulations (EC) No. 663/2009 and (EC) No. 715/2009 of the European Parliament and of the Council, Directives 94/22/EC, 98/70/EC, 2009/31/EC, 2009/73/EC, 2010/31/EU, 2012/27/EU and 2013/30/EU of the European Parliament and of the Council, Council Directives 2009/119/EC and (EU) 2015/652 and repealing Regulation (EU) No. 525/2013 of the European Parliament and of the Council // OJ L 328. 21.12.2018. P. 1–77. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32018R1999> (дата обращения: 20.12.2024).

⁶ Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union Protocols Annexes to the Treaty on the Functioning of the European Union Declarations annexed to the Final Act of the Intergovernmental Conference which adopted the Treaty of Lisbon, signed on 13 December 2007 Tables of equivalences // OJ C 202. 07.06.2016. P. 1–38. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12016ME%2FTXT> (дата обращения: 20.12.2024).

⁷ Kopnina H. Energy Policy in European Union: Renewable energy and the risks of subversion. Governance and Security Issues of the European Union: Challenges for the Future / Ed. by De Zwaan J., Lak M. and Makinwa A., Williams P. TMS Asser Press/Springer, 2016.

области изменения климата (COM(2015) 80 final от 25.02.2015)⁸. Поскольку сфера энергетики — сфера совместной компетенции Союза и государств-членов, и значительное число актов принимается на национальном уровне, целью создаваемого энергетического союза является преобразование энергетической системы ЕС, которая в настоящее время объединяет 28 национальных структур⁹ в одну общеевропейскую структуру. Стратегия содержит пять основных направлений

В сообщении изложены пять основных направлений, лежащих в основе стратегии энергетического союза по обеспечению большей безопасности, устойчивости и конкурентоспособности:

- а) надежность поставок;
- б) сокращение выбросов;
- в) полностью интегрированный внутренний рынок;
- г) энергоэффективность;
- д) исследования и инновации.

Реализация указанных направлений стала возможно путем проведения институтами Союза политики по реорганизации энергетического рынка ЕС. В *Сообщении Комиссии Европейскому парламенту, Совету, Европейскому Экономическому и социальному комитету и Комитету регионов о начале процесса общественных консультаций по новому устройству энергетического рынка* (COM(2015) 340 final)¹⁰ отмечается, что Европейский Союз поставил цель обеспечить своих граждан надежной и доступной энергией к 2030 г. Для этого предусматривается трансформация энергетического рынка, включая перепроектирование рынка электроэнергии для привлечения дополнительных инвестиций.

Целевая установка на рост объема потребления энергии, произведенной из возобновляемых источников, свидетельствует о движении Союза к конкурентоспособной, устойчивой и безопасной энергетике для Европы, что соответствует ESG-стандартам. Согласно *Энергетической дорожной карте 2050* (COM(2011) 885 final от 15.12.2011)¹¹. Европейский Союз взял на себя обязательство сократить выбросы парниковых газов на 80–95 % по сравнению с уровнем 1990 г. к 2050 г. Энергетическая дорожная карта рассматривает различные сценарии достижения конкурентоспособной экономики с низким уровнем выбросов углерода к 2050 г., обеспечивая при этом безопасность поставок энергии. Она демонстрирует, что какой бы сценарий ни был выбран, цели декарбонизации вполне осуществимы.

Безусловно, изменение климата и трансформация парадигмы энергетической безопасности меняют европейскую систему энергетики¹². Результативность инвести-

⁸ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank A Framework Strategy for a resilient energy union with a forward-looking climate change policy // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52015DC0080>; (дата обращения: 20.12.2024).

⁹ После выхода Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии из состава ЕС в 2020 г. участие данного государства в формировании и реализации энергетической повестки Союза ограничено.

¹⁰ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions launching the public consultation process on a new energy market design (COM/2015/0340 final) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52015DC0340> (дата обращения: 20.12.2024).

¹¹ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions Energy roadmap 2050/COM/2011/0885 final // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/txt/?uri=celex%3A52011dc0885> (дата обращения: 20.12.2024).

¹² Energy atlas. Energy atlas 2018 — Facts and figures about renewables in Europe. Heinrich Bo II Foundation, Berlin, Germany, Friends of the Earth Europe, European Renewable Energies Federation, Green European Foundation, Luxembourg, 2018. URL: [68](https://www.europe-</p></div><div data-bbox=)

ций в область альтернативной энергетики может быть проверена лишь временем. Стратегические документы, которые были приняты в последнее десятилетие, способствуют формированию энергетической системы образца 2050 г., ведь устаревшая инфраструктура требует замены, а внедрение инноваций влечет за собой появление новых источников энергии.

В ходе такой трансформации инвесторам, как государственным, так и частным, необходимо четкое представление о направлении, в котором движется Европейский Союз. Как видим, это представление было сформировано преимущественно актами «мягкого» права, которые носят рекомендательный характер и подразумевают, что государства-члены будут пользоваться собственными механизмами внедрения целевых установок таких документов в жизнь. Тем не менее подходы, закрепленные в документах рекомендательного свойства, в дальнейшем нашли отражение в источниках вторичного права — юридически обязательных нормативных правовых актах, к которым в ЕС относят регламенты, директивы и решения.

К значимым юридически обязательным документам в рассматриваемой сфере относится *Регламент (ЕС) 2021/1119, устанавливающий основу для достижения климатической нейтральности и вносящий поправки в Регламенты (ЕС) № 401/2009 и (ЕС) 2018/1999 («Европейский климатический закон»)*¹³. Данный документ устанавливает правовые рамки для достижения климатической нейтральности в Европейском Союзе (ЕС) к 2050 г. (то есть баланса выбросов парниковых газов в масштабах ЕС и их устранения, регулируемого законодательством ЕС). Он включает в себя, в дополнение к обязательной цели достижения климатической нейтральности в ЕС к 2050 г., цель достижения отрицательных выбросов в ЕС в дальнейшем, а также предусматривает обязательную цель ЕС по чистому сокращению внутренних выбросов парниковых газов не менее чем на 55 % (по сравнению с уровнем 1990 г.) к 2030 г., включая установление климатического целевого показателя на 2040 г. в течение шести месяцев после первой глобальной инвентаризации в рамках Парижского соглашения. На государства — члены Союза данный Регламент налагает ряд обязательств, а именно: учредить консультативный орган по вопросам климата для предоставления экспертных научных консультаций соответствующим национальным органам; наладить многоуровневый диалог по вопросам климата и энергетики с участием местных органов власти, гражданского общества, бизнес-сообщества, инвесторов, других заинтересованных сторон и общественности; представить Европейскому научному консультативному совету по изменению климата свою 30-летнюю стратегию до 1 января 2029 г., а затем каждые 10 лет, обновляя ее каждые 5 лет при необходимости.

Помимо основ «климатического» законодательства, которые необходимо учитывать при формировании регуляторики в области альтернативной энергетики, немаловажными являются вопросы налогообложения. Здесь ключевую роль играет *Директива Совета ЕС 2003/96/ЕС от 27.10.2003 о реструктуризации системы налогообложения энергетических продуктов и электроэнергии в Сообществе*¹⁴. Она устанавливает наднациональные правила в отношении налогов на электроэнергию, все виды моторного топлива и большинство видов топлива для отопления. Целью принятия указанной Директивы является обеспечение бесперебойной работы единого рынка энергоносителей ЕС и избежание любых искажений в торговле и конкуренции,

angashub.com/wp-content/uploads/2018/05/energyatlas2018_facts-and-figures-renewables-europe.pdf (дата обращения: 20.12.2024).

¹³ Regulation (EU) 2021/1119 of the European Parliament and of the Council of 30 June 2021 establishing the framework for achieving climate neutrality and amending Regulations (EC) No. 401/2009 and (EU) 2018/1999 (European Climate Law) // OJ L 243. 09.07.2021. P. 1–17. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32021R1119> (дата обращения: 20.12.2024).

¹⁴ Council Directive 2003/96/EC of 27 October 2003 restructuring the Community framework for the taxation of energy products and electricity // OJ L 283. 31.10.2003. P. 51–57. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32003L0096> (дата обращения: 20.12.2024).

которые могут возникнуть из-за больших различий в национальных налоговых системах. Нормы Директивы способствуют достижению такой масштабной цели, как переход к конкурентоспособной, низкоуглеродной и энергоэффективной экономике.

Отличительной особенностью нормативного регулирования в области альтернативной энергетики в ЕС является его комплексный характер. На протяжении десятилетий в Союзе действовали сменяющие друг друга документы (как правило, директивы), позволяющие гармонизировать ключевые правила стимулирования производства энергии из возобновляемых источников. В настоящее время таким «комплексным» документом выступает *Директива (ЕС) 2018/2001 Европейского парламента и Совета от 11.12.2018 о содействии использованию энергии из возобновляемых источников*¹⁵. Указанная Директива устанавливает общую систему поддержки продвижения энергии из возобновляемых источников в различных секторах. В частности, она:

- а) устанавливает обязательный целевой показатель для ЕС по его доле в энергобалансе в 2030 г.;
- б) впервые регулирует собственное потребление;
- в) устанавливает единый набор правил использования возобновляемых источников энергии в электроэнергетике, отоплении, а также на транспорте в ЕС.

Целью принятия Директивы является расширение использования энергии из возобновляемых источников для борьбы с изменением климата, защиты окружающей среды и снижения энергетической зависимости ЕС, а также содействие технологическому и промышленному лидерству ЕС, созданию рабочих мест и росту, в том числе в сельских и изолированных районах. В документе содержится определение базового термина — «энергия из возобновляемых источников», в котором относят энергию из возобновляемых неископаемых источников, таких как энергия ветра, солнца (тепловая и фотоэлектрическая), аэротермальная, геотермальная, гидротермальная энергия, тепло окружающей среды, приливов, волн и других видов энергии океана, гидроэнергия, биомасса, свалочный газ, газ очистных сооружений и биогазы. Примечательно, что в рамках ЕС перечень возможных альтернативных источников энергии сформулирован таким образом, что возможно его расширительное толкование, ведь в будущем не исключено появление новых источников энергии, а значит, постоянная корректировка определения потребует принятия новых документов на наднациональном и национальном уровнях.

В рассматриваемом документе в этом отношении продемонстрирован гибкий подход — с учетом формулировки определения «энергия из возобновляемых источников» частая трансформация регулирования не предполагается.

Впоследствии положения Директивы были актуализированы принятием Регламента Совета (ЕС) 2022/2577 от 22.12.2022, устанавливающего основу для ускорения внедрения возобновляемых источников энергии¹⁶. Его нормы направлены на преодоление энергетического кризиса и снижение зависимости ЕС от российского ископаемого топлива за счет ускорения процесса выдачи разрешений и развертывания проектов в области возобновляемых источников энергии. Регламент нацелен на технологии, которые можно быстро внедрить в краткосрочной перспективе и которые обладают значительным потенциалом для сокращения потребления газа и, благодаря низким эксплуатационным расходам, могут способствовать снижению счетов за электроэнергию. Согласно Регламенту планирование, строительство и эксплуатация установок по производству возобновляемой энергии считаются

¹⁵ Directive (EU) 2018/2001 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the promotion of the use of energy from renewable sources (recast) // OJ L 328. 21.12.2018. P. 82–209. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32018L2001> (дата обращения: 20.12.2024).

¹⁶ Council Regulation (EU) 2022/2577 of 22 December 2022 laying down a framework to accelerate the deployment of renewable energy // OJ L 335. 29.12.2022. P. 36–44. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32022R2577> (дата обращения: 20.12.2024).

отвечающими первостепенным общественным интересам. Данная нормативно установленная характеристика позволяет таким проектам воспользоваться упрощенной оценкой на предмет соответствия ряду экологических правил, включенных в конкретные нормативные правовые акты ЕС.

Правовая регламентация отношений, складывающихся в сфере альтернативной энергетики, была бы неполной, если бы не учитывала вопросы финансирования развития производства энергии из возобновляемых источников. Данные аспекты отражены в *Регламенте Комиссии (ЕС) 2020/1294 от 15.09.2020 о механизме финансирования возобновляемой энергетики Союза*¹⁷. В соответствии с указанным документом финансирование проектов в сфере альтернативной энергетики осуществляется из трех источников:

1. Правительства государств — членов Союза могут осуществлять добровольное финансирование;

2. Программы и фонды ЕС могут вносить свой вклад, особенно в целях снижения стоимости капитала для проектов в области возобновляемых источников энергии или для поддержки регионального сотрудничества внутри ЕС и с государствами, не входящими в ЕС;

3. Коммерческие организации могут предложить свое финансирование применительно к конкретному проекту, технологии или ее конечному использованию.

Финансирование проектов, вне зависимости от его источника, подчиняется правилам, изложенным в *Регламенте 2024/2509 Европейского парламента и Совета от 23.09.2024 о финансовых правилах, применяемых к общему бюджету Союза*¹⁸.

Европейская комиссия запрашивает правительства государств — членов ЕС относительно того, хотят ли они предоставить добровольный платеж (страна-донор) или разрешить установку возобновляемых источников энергии на своей территории (принимающая страна). Принимающие страны должны предоставить определенную информацию, такую как: максимальная общая мощность возобновляемой энергии, доступная для проектов, финансируемых за счет предусмотренного Регламентом механизма; предпочтительные технологии или секторы конечного использования; любые ограничения по месту или географическому положению. В свою очередь, страны-доноры предоставляют сведения об объеме возобновляемой энергии, который они намерены поддержать и извлечь выгоду из статистических распределений; сведения о максимальном финансовом вкладе; предпочтении процедурам выдачи грантов, нейтральным по отношению к технологиям, мультитехнологичным, технологически-ориентированным, проектно-ориентированным или ориентированным на конечное использование.

Помимо разработки и принятия актов универсального характера, регламентирующих стимулирование потребления энергии из возобновляемых источников, в ЕС наблюдается тенденция к дифференциации регулирования в рассматриваемой сфере¹⁹. Так, на уровне Союза принимаются документы, которые определяют те или иные аспекты использования источников альтернативной энергии применительно к различным направлениям — морской транспорт, воздушный транспорт, биотопливо и биогаз. В частности, в ЕС действует Морская инициатива по топливу, регламентация которой обеспечивается *Регламентом (ЕС) 2023/1805 Европейского парламента и Совета от 13.09.2023 об использовании возобновляемых и низкоуглеродных видов топлива на морском транспорте и о внесении изменений в Директиву*

¹⁷ Commission Implementing Regulation (EU) 2020/1294 of 15 September 2020 on the Union renewable energy financing mechanism // OJ L 303. 17.09.2020. P. 1–17. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32020R1294> (дата обращения: 20.12.2024).

¹⁸ Regulation (EU, Euratom) 2024/2509 of the European Parliament and of the Council of 23 September 2024 on the financial rules applicable to the general budget of the Union (recast) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A32024R2509> (дата обращения: 20.12.2024).

¹⁹ Renewable energy // European Parliament: official web-site. URL: <http://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/70/renewable-energy> (дата обращения: 20.12.2024).

2009/16/EC²⁰. Принятие Регламента направлено на увеличение спроса и последовательное использование возобновляемых и низкоуглеродных видов топлива в морском секторе. Нормы Регламента гарантируют, что интенсивность выбросов парниковых газов при использовании топлива в судоходном секторе будет со временем постепенно снижаться: на 2 % в 2025 г. и до 80 % к 2050 г. Среди видов топлива, сертифицированных как способствующие снижению интенсивности выбросов парниковых газов, Регламент упоминает *возобновляемые виды топлива небиологического происхождения*, которые имеют высокий потенциал декарбонизации. Регламент предусматривает специальные стимулы для поддержки потребления таких видов топлива. Ископаемые виды топлива исключены из процесса сертификации. С 2030 г. пассажирские суда и контейнеровозы должны будут использовать береговой источник питания для всех нужд в электроэнергии во время стоянки в крупных портах ЕС в целях снижения загрязнения воздуха. Предусмотренный Регламентом механизм добровольного объединения позволяет судам объединять свой баланс соответствия с одним или несколькими другими судами — пул в целом должен в среднем соответствовать ограничениям по интенсивности выбросов парниковых газов. При этом любые доходы, полученные от штрафов за несоблюдение Регламента, должны быть использованы на проекты в поддержку декарбонизации морского сектора с использованием механизма повышенной прозрачности.

Развитие устойчивых видов топлива, соответствующих целевым установкам Союза, невозможно без развертывания соответствующей инфраструктуры альтернативных видов топлива. Регламентация создания такой инфраструктуры обеспечивается Регламентом 2023/1804 Европейского парламента и Совета от 13.09.2023 о развертывании инфраструктуры альтернативных видов топлива и отмене Директивы 2014/94/EC²¹, который устанавливает обязательные национальные цели для государств — членов Европейского Союза (ЕС) по развертыванию общедоступной инфраструктуры альтернативных видов топлива (в частности, электроэнергии и водорода) для дорожных транспортных средств, судов, пришвартованных у причала, и самолетов, уделяя особое внимание трансъевропейским сетям. Регламент также включает общие правила предоставления информации о пользователях, требования к оплате, а также требования к планированию и отчетности для государств-членов. В соответствии с рассматриваемым документом государства-члены должны обеспечить создание общедоступных зарядных станций пропорционально количеству зарегистрированных транспортных средств, а также обеспечить размещение общедоступных зарядных станций вдоль дорожной сети Трансъевропейской транспортной сети (TEN-T). В конечном итоге соблюдение положений Регламента должно привести к достижению генеральной цели — сокращению чистых выбросов парниковых газов в ЕС не менее чем на 55 % к 2030 г. по сравнению с уровнем 1990 г. и достижению климатической нейтральности к 2050 г.

Оценивая в целом уровень развития нормативного регулирования отношений, складывающихся в связи со стимулированием производства энергии из возобновляемых источников, в Европейском Союзе, необходимо отметить комплексный характер правового регулирования, а также тенденцию к унифицированности, которая проявляется благодаря росту принятия регламентов в качестве ключевого источника регламентации соответствующих правоотношений. Вместе с тем на уровне Европейского Союза наблюдается дифференциация правового регулирования использования альтернативных источников энергии в зависимости от направления

²⁰ Regulation (EU) 2023/1805 of the European Parliament and of the Council of 13 September 2023 on the use of renewable and low-carbon fuels in maritime transport, and amending Directive 2009/16/EC // OJ L 234. 22.09.2023. P. 48–100. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32023R1805> (дата обращения: 20.12.2024).

²¹ Regulation (EU) 2023/1804 of the European Parliament and of the Council of 13 September 2023 on the deployment of alternative fuels infrastructure, and repealing Directive 2014/94/EU // OJ L 234. 22.09.2023. P. 1–47. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32023R1804> (дата обращения: 20.12.2024).

их применения (морской транспорт, воздушный транспорт и т.д.). Во многом такая дифференциация продиктована необходимостью обеспечить соответствие регулирования с действующим экологическим и климатическим законодательством ЕС. Сбалансированное сочетание унифицированного подхода и дифференцированного регулирования в сфере альтернативной энергетики может послужить позитивным примером для совершенствования релевантного законодательства Российской Федерации и интеграционных объединений с ее участием.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев А. Е., Новицкий И. Ю., Женжебир В. Н., Пшава Т. С., Дадугин М. В. Энергетическая безопасность в Европейском Союзе: проблемы «зависимости» и развития // Наукосведение. — Т. 7. — № 6. — 2015. — URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/35EVN615.pdf> (дата обращения: 20.12.2024).
2. Интеграционное право в современном мире : сравнительно-правовое исследование : монография / А. О. Четвериков, П. А. Калиниченко, С. Ю. Кашкин [и др.] ; отв. ред. С. Ю. Кашкин. — М. : Проспект, 2015. — 416 с.
3. Kopnina H. Energy Policy in European Union: Renewable energy and the risks of subversion. Governance and Security Issues of the European Union: Challenges for the Future / Ed. by J. De Zwaan, M. Lakand, A. Makinwa, P. Williams. — TMS Asser Press/Springer, 2016.
4. Energy atlas 2018 — Facts and figures about renewables in Europe. Heinrich Bo ll Foundation, Berlin, Germany, Friends of the Earth Europe, European Renewable Energies Federation, Green European Foundation. — Luxembourg, 2018. — URL: https://www.europeangashub.com/wp-content/uploads/2018/05/energyatlas2018_facts-and-figures-renewables-europe.pdf (дата обращения: 20.12.2024).

REFERENCES

1. Alekseev AE, Novitsky IYu, Zhenzhebiri VN, Pshava TS, Dadugin MV. Energy security in the European Union: problems of «dependence» and development. *Nauka*. Vol. 7. No. 6. 2015. Available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/35EVN615.pdf> [Accessed 20.12.2024]. (In Russ.).
2. Chetverikov AO, Kalinichenko PA, Kashkin SYu, *et al*. Integration law in the modern world: comparative legal research. Moscow: Prospekt Publ.; 2015. (In Russ.).
3. Kopnina H. Energy Policy in European Union: Renewable energy and the risks of subversion. Governance and Security Issues of the European Union: Challenges for the Future. De Zwaan J, Lakand M, Makinwa A, Williams P (eds.). TMS Asser Press & Springer; 2016.
4. Energy atlas 2018 — Facts and figures about renewables in Europe. Heinrich Bo ll Foundation, Berlin, Germany, Friends of the Earth Europe, European Renewable Energies Federation, Green European Foundation. — Luxembourg, 2018. Available at: https://www.europeangashub.com/wp-content/uploads/2018/05/energyatlas2018_facts-and-figures-renewables-europe.pdf [Accessed 20.12.2024].

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН

Телефон редакции: 8 (499) 244-88-88, доб. 573
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9; www.rus-law.online; e-mail: ruslaw@msal.ru

Компьютерная верстка — *Д. А. Беляков*

ISSN 2542-2472

9 770254 224729

RUS-LAW ONLINE

4 / 2024

WWW.RUS-LAW.ONLINE